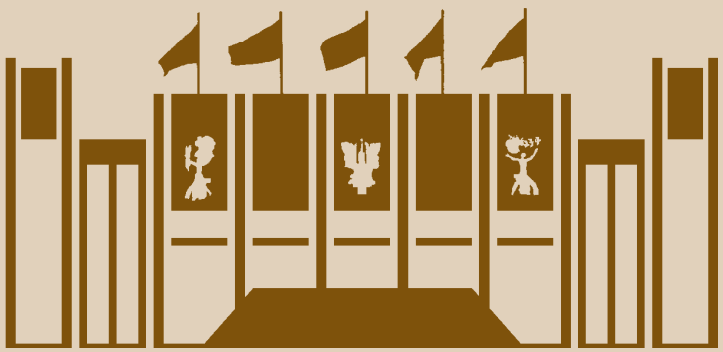
Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 9(38)
октябрь 2008

Наталья Шило

Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны

Центр
партнерства цивилизаций

ББК 66.2(5Афг)
Ш59

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Выпуск 9(38)
Октябрь 2008

Тема

«Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны»

Главный редактор Александр Орлов

Редактор выпуска Вениамин Попов

Ведущий редактор Валентина Шанкина

Дизайнер Николай Винник

Компьютерная верстка Анатолий Казанцев

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ №471. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 24. 10.2008

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов НКСМИ МГИМО (У)

© Наталья Игоревна Шило, 2008.
© МГИМО (У) МИД России, 2008.

**Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России**

Центр партнерства цивилизаций

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 9(38)
(октябрь 2008)

Наталья Шило

Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны

Москва
МГИМО – Университет
2008

содержание

Предисловие.....3

1. Военно-политическая ситуация.....8

2. Внутриполитическая трансформация. Курс на национальное примирение.....26

3. Россия в Афганистане: между желаемым и возможным.....35

Предисловие

«По моему приказу вооруженные силы США нанесли удары по лагерям подготовки террористов, которые принадлежат организации «Аль-Каида», а также по военным объектам движения Талибан в Афганистане. Целью этих тщательно спланированных действий является прекращение использования территории Афганистана в качестве базы для подготовки террористов и ослабление военной мощи режима движения Талибан. В этой операции США помогает наш верный союзник Великобритания. Другие дружественные страны – такие как Канада, Австралия, Германия и Франция пообещали оказать военную помощь в ходе операции. Кроме того, более 40 стран Ближнего Востока, Африки, Европы и Азии согласились предоставить свое воздушное пространство для пролета самолетов сил союзников. Многие страны поделились разведывательными данными. В этой операции нас поддерживает весь мир»[1], – так президент Соединенных Штатов и верховный главнокомандующий ВС США Джордж Буш представил американскому народу и всему миру цели и задачи начавшейся 7 октября 2001 года широкомасштабной военной операции под эгидой США и Великобритании под кодовым названием «Несокрушимая свобода».

Исход операции был предопределен изначально, принимая во внимание подавляющее превосходство Соединенных Штатов в вооружении и боевой технике. Авиация США, в первую очередь бомбардировщики B-1, B-2 и B-52, наносили по позициям талибов удары с воздуха, направленные на уничтожение живой силы и боевой техники (в первую очередь были уничтожены позиции ПВО, взлетно-посадочные полосы аэродромов и танки), коммуникационных и управленческих структур.

Сухопутная операция, начавшаяся в ноябре 2001 года, формально выглядела как коалиционная, однако на деле ее ключевым звеном были силы т.н. Северного альянса, включавшего главным образом бывших моджахедов 1980-х годов. Ядро альянса составляла Исламская партия Афганистана, лидером которой являлся президент Бурхануддин Раббани. США же и их союзники решали вспомогательные, в основном политические задачи. После начала наземной фазы операции американцы перенесли центр тяжести воздушной поддержки на поражение живой силы талибов на линии боевого соприкосновения с войсками коалиции.

В ночь с 12 на 13 ноября талибы без боя покинули Кабул, отведя боевые отряды и технику на юг. Кандагар, духовная столица талибов, сопротивлялся до 7 декабря. Лидер талибов мулла Мухаммад Омар исчез из якобы плотно осажденного города в неизвестном направлении. Остатки боевых отрядов талибов сдались или перешли на сторону противника.

[1] Буш объявляет войну//http://news8.thdo.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1585000/1585315.stm

С талибами, которые до сентября 2001 года контролировали 95 % территории Афганистана, было формально покончено.

Во второй половине декабря антиталибские силы при поддержке ВВС США «зачищали» укрепрайон в районе Тора Бора в провинции Нангархар, где предположительно скрывался руководитель «Аль-Каиды» Усама бен Ладен. Нежелание талибов выдать властям Соединенных Штатов бен Ладена, на которого американцы возложили ответственность за теракты, совершенные членами «Аль-Каиды» 11 сентября на территории США, явилось одним из поводов для начала операции в Афганистане. Однако в Тора Бора бен Ладен так и не был обнаружен [2].

«Несокрушимая свобода» обошлась Афганистану, по самым скромным подсчетам, в четыре тысячи человек погибших гражданских лиц. Речь идет о жертвах ошибочных ударов и промахов «высокоточного оружия», которые в США называют «побочным ущербом»[3].

Между тем, цифры этих потерь существенно разнятся в зависимости от источника информации. Так, в конце января 2002 года организация «Проект оборонных альтернатив» опубликовала данные, согласно которым на 1 января 2002 года количество погибших в Афганистане мирных граждан колебалось от 1000 до 1 300, при этом авторы исследования подчеркивали, что эта цифра сугубо консервативная. Английская газета «Guardian» подняла планку погибших с 7 октября 2001 года по январь 2002 года до 8 тысяч человек. В свою очередь, по подсчетам талибов, погибло около 5 тысяч гражданских лиц, ранено около 8 тысяч.

О том, насколько сложным делом в Афганистане является подсчет потерь, говорит лишь один эпизод, получивший особую известность.

В конце ноября 2001 года под ударами отрядов одного из лидеров Северного альянса Абдуррашида Дустума и войск международной коалиции пали Мазари-Шариф и Кундуз – последние оплоты талибов на севере. В плен под гарантии безопасности сдались несколько тысяч человек. Их поместили в крепость Кала-и-Джанги близ Мазари-Шарифа, где располагалась штаб-квартира Дустума и была спешно открыта военная тюрьма. 25 ноября в крепости вспыхнуло восстание талибов и иностранных боевиков (арабов, пакистанцев, чеченцев и узбеков) общей численностью 600 человек. Об этом бунте сообщали все мировые СМИ, в том числе потому, что в числе сдавшихся в плен оказался американский гражданин, воевавший на стороне талибов. Восстание было подавлено, причем для этого потребовалась помощь авиации США, несколько сот человек – участников мятежа – погибли. Семь с половиной тысяч талибов были переведены после этого в Шибирган. После допросов боевики Дустума погрузили их в грузовые контейнеры (по 200–300 человек в каждом контейнере, в которых в принципе отсутствовала какая-либо вентиляция) и вывезли

[2] Подробнее о ходе боевых действий в Афганистане после 11 сентября. См.: Маначинский А.Я. Афганистан: когда дуют ветры войны. – Москва-Минск: Румб, 2006.

[3] Афганистан: американские военные должны расследовать случаи гибели мирных жителей // http://www.hrw.org/russian/press/2003/131203_afgan.html. См. также Маначинский А.Я. Афганистан: когда дуют ветры.... . С. 301.

в пустыню Дашт-и-Лайли. При транспортировке военнопленных в шибирганскую тюрьму погибли сотни людей. Оставшихся в живых после такой перевозки (большая часть людей задохнулась еще до приезда) добили на месте. При этом присутствовали и американские военные, которые ничего не делали для того, чтобы предотвратить массовую расправу над военнопленными, более того, фактически приняли в ней участие.

Международный скандал вокруг этой истории разразился в 2002 году после того, как британский и афганский документалисты Джеми Доран и Наджибулла Куреши сняли документальный фильм «Афганская резня – конвой смерти», посвященный этим событиям. Фрагменты ленты показали для членов Европейского парламента в Страсбурге[4]. В ней утверждалось, что во время перевозки погибли более трех тысяч человек.

Сам Дустум в сентябре 2002 года признал гибель лишь 200 человек.

Следственные группы, проводившие расследование событий, подтвердили гибель тысячи человек[5].

Чиновники Пентагона со своей стороны настаивали на том, что им вообще ничего не было известно о действиях своего союзника и предложили заняться расследованием самим афганцам.

В начале декабря 2001 года в Бонне состоялась конференция представителей основных политических сил Афганистана под эгидой ООН[6], в задачи которой входило решение вопроса о власти в Афгани-

---

[4] http://www.youtube.com/watch?v=3wzC82ziAYk, http://video.google.com/videoplay?docid=-8763367484184611493

[5] http://www.dawn.com/2002/09/04/int9.htm

[6] Следует отметить, что теракты 11 сентября 2001 года, послужившие одним из поводов для военной операции в Афганистане, сразу же вызвали жесткую реакцию мирового сообщества. 12 сентября 2001 года Советом Безопасности ООН была принята резолюция 1368 (2001).

«Совет Безопасности,

подтверждая цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, будучи преисполнен решимости всеми средствами бороться с угрозами для международного мира и безопасности, вызываемыми террористическими актами, признаваянеотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом,

1. безоговорочно осуждает самым решительным образом ужасные террористические нападения, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании, и считает такие действия, как и любой акт международного терроризма, угрозой для международного мира и безопасности;

2. выражает свое глубочайшее сочувствие и соболезнования жертвам и их семьям, а также народу и правительству Соединенных Штатов Америки;

3. призывает все государства срочно предпринять совместные усилия для того, чтобы предать правосудию исполнителей, организаторов и спонсоров этих террористических нападений, и подчеркивает, что те, кто оказывал помощь исполнителям, организаторам и спонсорам этих актов, поддерживал или укрывал их, понесут ответственность за это;

4. призывает также международное сообщество удвоить свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов, в том числе путем расширения сотрудничества и обеспечения полного осуществления соответствующих международных антитеррористических конвенций и резолюций Совета Безопасности, в частности резолюции 1269 (1999) от 19 октября 1999 года;

5. выражает свою готовность предпринять все необходимые шаги, с тем чтобы отреагировать на террористические нападения, совершенные 11 сентября 2001 года, и вести борьбу со всеми формами терроризма в соответствии со своими обязанностями по Уставу Организации Объединенных Наций;

6. постановляет продолжать заниматься этим вопросом. // http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1368.htm»

Режим же талибов за пять лет своего пребывания у власти в Кабуле (с 1996 года) так и не смог добиться международного признания и выйти из фактической изоляции.

стане. Ее итогом стало Боннское соглашение[7]. В соответствии с ним было сформировано на коалиционной основе временное правительство Афганистана во главе с Хамидом Карзаем[8].

В ходе проведения конференции было принято решение обратиться к СБ ООН с предложением создать международные силы по содействию безопасности ISAF (International Security Assistance Force) для обеспечения безопасности, в первую очередь в афганской столице[9]. Совет Безопасности, приняв во внимание итоги Боннской конференции, резолюцией 1386 от 20 декабря 2001 санкционировал направление в Афганистан международных сил и размещение их в Кабуле и вокруг столицы в целях стабилизации обстановки и создания условий для установления прочного мира[10].

Временное правительство Хамида Карзая начало функционировать 22 декабря 2001 года. В соответствии с боннскими договорен-

---

[7] http://www.un.org/russian/ha/afghanistan/decl.htm

[8] В соответствии с принятым на Боннской конференции под эгидой ООН «Соглашением о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов», в стране были учреждены специальные временные органы власти – Временная администрация, Специальная независимая комиссия по созыву чрезвычайной Лойи Джирги и Верховный суд. В течение шести месяцев после создания Временной администрации предполагалось созвать чрезвычайную Лойю Джиргу. Там должно было быть принято решение о сформировании переходных органов власти, включая Переходную администрацию на широкой основе. Она должна была осуществлять управление до появления возможности собрания полностью представительного правительства в результате выборов. Они должны были быть проведены не позднее, чем в течение двух лет после даты созыва чрезвычайной Лойи Джирги. В течение 18 месяцев после создания Переходного органа должна была быть созвана конституционная Лойя Джирга для принятия новой конституции Афганистана. В целях оказания помощи конституционной Лойе Джирге в подготовке предлагаемой конституции Переходная администрация в течение двух месяцев после начала своей работы и при содействии Организации Объединенных Наций должна была создать Конституционную комиссию. До принятия новой конституции в Афганистане должна была действовать Конституция 1964 года.

[9] Приложение I «Международные силы безопасности» к «Соглашению о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов».
1. Участники переговоров по Афганистану под эгидой Организации Объединенных Наций признают, что ответственность за обеспечение безопасности и правопорядка на всей территории страны лежит на самих афганцах. В связи с этим они обязуются сделать все в пределах их сил и возможностей для обеспечения безопасности, в том числе безопасности всех сотрудников Организации Объединенных Наций и сотрудников других международных правительственных и неправительственных организаций, работающих в Афганистане.
2. Имея в виду эту цель, участники просят международное сообщество оказать новым органам власти Афганистана помощь в формировании и обучении новых сил безопасности и вооруженных сил Афганистана.
3. Сознавая, что для полного формирования и ввода в строй новых сил безопасности и вооруженных сил Афганистана потребуется определенное время, участники переговоров по Афганистану под эгидой Организации Объединенных Наций просят Совет Безопасности Организации Объединенных Наций рассмотреть возможность санкционирования скорейшего направления в Афганистан сил с мандатом от Организации Объединенных Наций. Эти силы будут оказывать помощь в обеспечении безопасности в Кабуле и прилегающих к нему районах. По мере необходимости эти силы могли бы постепенно охватывать и другие городские центры и районы.

Участники переговоров по Афганистану под эгидой Организации Объединенных Наций обязуются вывести все воинские подразделения из Кабула и других городских центров или других районов, в которых будут размещены силы, имеющие мандат Организации Объединенных Наций. Было бы также желательно, чтобы эти силы участвовали в восстановлении инфраструктуры Афганистана // http://www.un.org/russian/ha/afghanistan/decl.htm

[10] http://www.nato.int/ISAF/topics/chronology/index.html

ностями из Кабула были выведены все вооруженные формирования Северного альянса и введены силы ISAF (первоначальная численность в 4 тысячи человек), сформированные из подразделений армий 17 государств: Великобритания, Франция, Италия, Германия, Бельгия, Голландия, Дания, Австрия, Финляндия, Греция, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Румыния, Новая Зеландия и Турция. При этом США не стали участниками ISAF.

С течением времени мандат ISAF стал расширяться, а численность международных контингентов – увеличиваться[11]. В октябре 2003 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1510, согласно которой зона ответственности ISAF расширялась на всю территорию страны. Расширение зоны ответственности ISAF проходило поэтапно в разных районах страны. К октябрю 2006 года международные силы взяли на себя ответственность за обеспечение безопасности на всей территории Афганистана.

По состоянию на 2007 год в состав ISAF входят контингенты 26 стран НАТО: Бельгия, Болгария, Канада, Чехия, Дания, Эстония, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Исландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Испания, Турция, США и Великобритания. Кроме того, в миссии участвуют 12 стран, не входящих в Североатлантический альянс – Албания, Австралия, Австрия, Азербайджан, Хорватия, Финляндия, Македония, Грузия, Ирландия, Новая Зеландия, Швеция и Швейцария.

Общая численность зарубежных контингентов составляет, по данным на 5 декабря 2007 года, 41 тысячу 700 человек (включая афганский персонал из служб поддержки).

Согласно мандату задачами ISAF являются содействие афганскому правительству в расширении и укреплении его власти, создание обстановки безопасности, проведение операций совместно с афганской национальной армией по установлению стабильности и безопасности, содействие развитию афганских сил безопасности, обучение армии и полиции, участие в восстановительных работах и проектах по реконструкции, обеспечение поддержки гражданских проектов, помощь афганским властям в разоружении вооруженных формирований полевых командиров, участие в антинаркотических мероприятиях, поддержка гуманитарных операций.

В течение 2002 года после серии специальных операций были подавлены остатки сопротивления талибов. В стране наступило подобие порядка, что вселяло надежды на то, что очередная война наконец-то закончилась и можно будет заняться решением многочисленных сугубо гражданских проблем.

Уже в начале июня 2002 года в соответствии с Боннскими соглашениями состоялись заседания Лойя Джирги (Всеафганской ассамблеи), на которую собрались 1500 представителей всех провинций. После острых дебатов президентом был избран Хамид Карзай, кото-

[11] В августе 2003 года командование контингентом ISAF перешло к НАТО в соответствии с рекомендациями ООН и пожеланиями правительства Афганистана.// http://www.nato.int/ISAF/topics/mandate/index.html

рый получил 80 % голосов. В дни заседаний Джирги он сформировал и возглавил переходное правительство, в котором ключевые посты получили представители Северного альянса. На Джирге было также принято решение провести всеобщие выборы в парламент в 2004 году, а до этого времени подготовить проект новой конституции.

К осени 2003 года проект конституции прошел широкое обсуждение по всей стране и среди афганских беженцев за рубежом. 4 января 2004 года новый Основной закон был одобрен делегатами Конституционной Лойя Джирги. За основу взяты положения Конституции 1964 года, которая считается самой либеральной и демократичной за всю историю страны.

Новое правительство стало делать первые шаги по пути нормализации общественно-политической жизни. В январе 2002 года в Кабуле был поднят прежний государственный флаг – старых, королевских времен, сохранивший все элементы традиционной афганской геральдики. В феврале 2002 года вступил в силу Закон о печати, предоставивший право на издание независимой прессы.

Перед правительством Карзая в тот период стояло много других проблем. В стране был массовый голод из-за продолжавшейся последние три года засухи, не была преодолена политическая нестабильность. Остро стояли хронические для страны проблемы наркотиков, разминирования (на территории Афганистана насчитывается порядка 10 миллионов мин), возвращения беженцев, создания местных органов власти, восстановления разрушенной экономики.

Помочь Афганистану в реконструкции согласилось мировое сообщество. 21 января 2004 года в Токио состоялась международная конференция стран-доноров Афганистана, на которую съехались представители 61 государства и 21 международной организации. Мировое сообщество дало согласие выделить на эти цели в течение пяти лет 4,5 млрд долларов.

В истории Афганистана начался очередной «новый этап». Однако спустя несколько лет буквально на глазах обозначились признаки ухудшения ситуации.

1. Военно-политическая ситуация

За последние два года военно-политическая ситуация в Афганистане, который еще недавно считался сравнительно спокойным местом, в сравнении с Ираком, эволюционирует в худшую сторону. Деградация ситуации началась на юге. К весне 2007 года эксперты считали, что талибами и другими антиправительственными вооруженными формированиями контролировались четыре провинции, еще в трех контроль частично находился в их руках. А к началу декабря 2007 года, по оценкам наблюдателей, талибы доминировали уже почти на половине территории страны – главным образом в южных и восточных районах.

5 декабря газета «Таймс» обнародовала карты, предназначенные для работающих в Афганистане сотрудников миссий ООН и международных неправительственных гуманитарных организаций. Вся тер-

ритория страны разделена на этих картах на зоны различной степени опасности[12]. В 2005 году опасными считались только районы, непосредственно прилегающие к линии Дюранда, а именно провинции Пактия, Хост, Пактика, Газни, Забуль, Урузган, северные районы Гильменда, Кандагара и Нимроза.

Однако уже в 2007 году зонами «наивысшей степени опасности» стали все южные и юго-восточные провинции страны, восточные – «зонами повышенного риска». Кроме того, некоторые районы Северного Афганистана, в недавнем прошлом считавшегося совершенно спокойным, в частности север провинции Бадгис, Фарьяб, Баглан и юг Бадахшана – стали рассматриваться как «зоны средней степени опасности».

В этих районах постоянно идут «рутинные» боевые операции, происходят локальные стычки или боестолкновения между талибами и натовскими, главным образом американскими, военными, которым оказывают поддержку подразделения афганской армии. Эксперты высказывают предположения, что власти реально контролируют только столицу и крупные населенные пункты, в первую очередь провинциальные центры, а вся сельская местность находится в руках либо талибов, либо местных полевых командиров. Кроме того, в некоторых районах царит анархия и бандитизм. Участились случаи разбоев на дорогах.

Растет и число жертв нового витка насилия, в том числе среди гражданского населения.

15 октября 2007 года, когда Совет Безопасности ООН в очередной раз обсуждал положение в Афганистане, о ситуации в стране доложил специальный представитель генерального секретаря ООН Том Кенигс. Он сообщил, что уровень насилия в 2007 году вырос на 30 % по сравнению с прошлым годом. Начиная с января 2007 года, в Афганистане было убито 1 200 мирных жителей[13].

Как следует из ежегодного доклада международной правозащитной организации «Amnesty International» за 2007 год, «афганское правительство и его международные партнеры не смогли обеспечить безопасность граждан; на протяжении всего года политическая нестабильность усиливалась. В южной части страны наблюдалась эскалация боевых действий; применялись воздушно-бомбовые удары, с одной стороны, и действия подрывников-смертников – с другой. Погибло свыше 1000 гражданских лиц. Неудовлетворительное государственное управление, власть полевых командиров и влияние наркоторговли разрушали принципы верховенства закона и соблюдения прав человека. Государственные силовые структуры безнаказанно нарушали права человека. Судебные, правоохранительные и силовые органы практически не подверглись реформированию»[14].

---

[12] Карты Афганистана для гуманитарных работников показывают расширение запретных зон // http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/asia/article3000067.ece

[13] http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=8404

[14] Amnesty International Report 2007 Afghanistan // http://thereport.amnesty.org/eng/Regions/Asia-Pacific/Afghanistan

Правозащитная организация «Human Rights Watch» приводит дополнительные сведения.

«В последние 15 месяцев (начиная с января 2006 года – прим. авт.) в Афганистане отмечается резкий рост потерь среди мирного населения в результате действий антиправительственных сил... Теракты с использованием смертников и другие нападения антиправительственных сил резко участились после 2005 года, только за прошлый год (2006 год – прим. авт.) в результате действий талибов и других группировок погибло почти 700 мирных жителей... Мятежники все чаще совершают военные преступления, зачастую сознательно нанося удары по гражданским лицам. Даже тогда, когда их действия направлены против законной военной цели, они нередко носят столь неизбирательный характер, что в итоге больше всего страдают мирные афганцы... Антиправительственные силы неоднократно и целенаправленно наносили удары по гражданскому населению и даже при нападениях на афганские правительственные войска и международные силы во многих случаях безопасность мирных людей должным образом не учитывалась»[15].

Разница в цифрах потерь, приводимых этими двумя организациями (1000 и 700), вполне объяснима. Из некоторых районов информации не поступает вообще, в определенных случаях она подвергается цензуре, какие-то случаи не регистрируются, так что точными данными, на самом деле, не располагает никто.

«Human Rights Watch» неоднократно предупреждала и предупреждает о многочисленных случаях неизбирательных ударов – таких же нарушениях законов и обычаев войны – со стороны афганских правительственных войск и международных сил[16].

По данным «Human Rights Watch», «2006 год стал самым тяжелым для Афганистана с 2001 года по масштабу гражданских потерь. В 350 нападениях погибли по меньшей мере 669 мирных афганцев, причем в большинстве случаев, как представляется, удары целенаправленно наносились по гражданским лицам или гражданским объектам. Еще по меньшей мере 52 мирных жителя погибли в результате нападений антиправительственных сил в 2007 году. Мишенью талибов все чаще становятся определенные категории гражданских лиц, такие как сотрудники гуманитарных организаций, журналисты, врачи, религиозные лидеры и государственные служащие, которых талибы считают шпионами или коллаборационистами. В 2006 году в результате покушений было убито по меньшей мере 177 гражданских лиц, эта тенденция сохраняется и в 2007 году.... От нападений антиправительственных сил все чаще страдают жители не только юга и юго-востока Афганистана, где позиции талибов традиционно сильны.

---

[15] Афганистан: эскалация вооруженного противостояния бьет по мирному населению. Растущие цифры гражданских потерь указывают на военные преступления талибов и «Хизби-Ислами» // http://www.hrw.org/russian/docs/2007/04/16/afghan15709.htm

[16] Афганистан: необходимы дополнительные меры по защите гражданского населения. Международные силы содействия безопасности должны создать фонд для компенсации пострадавшим // http://www.hrw.org/russian/press/2006/301006_afgan.html

В 2006 году почти треть терактов, многие из которых повлекли значительные гражданские потери, были совершены в других регионах, в том числе в Кабуле, Мазари-Шарифе и Герате. По сравнению с 2005 годом, количество терактов в 2006 году увеличилось более чем вдвое. «Human Rights Watch» зафиксировано почти 200 таких случаев, в результате которых погибло почти 500 мирных жителей. Многие случаи являются нарушением норм международного гуманитарного права. Антиправительственные силы преднамеренно наносили удары по гражданским объектам, не представляющим никакого военного значения, в том числе по школам, автобусам и рынкам; совершали неизбирательные нападения, в ходе которых без разбора гибли как комбатанты, так и мирные жители или гражданские потери были избыточными по сравнению с искомым военным преимуществом; совершали нападения, главной целью которых, как представляется, было посеять страх среди гражданского населения... Особенно большие жертвы среди гражданского населения связаны с терактами с участием смертников. В 2006 году в Афганистане зафиксировано 136 таких случаев, что в 6 раз превышает уровень 2005 года. По меньшей мере 112 таких терактов были направлены против военных целей, однако в большинстве случаев преобладающими были гражданские потери; примерно 20 терактов были прямо направлены против мирного населения. В 2006 году соотношение между убитыми смертниками мирными жителями и военнослужащими правительственных и международных сил составляло 272 к 37, т.е. гражданские потери в восемь раз превышали потери среди военных. Сами по себе нападения с участием смертников не запрещены законами и обычаями войны, однако в Афганистане немалая их часть должна быть квалифицирована как незаконные... Смертники зачастую не предпринимали усилий по целенаправленному уничтожению военных целей и нередко подрывали себя таким образом, что избыточные или неизбирательные гражданские потери были неизбежными. Более того, смертники практически во всех случаях маскировались под мирных жителей, нарушая международно-правовой запрет вероломства, призванный во время войны обеспечить различие между комбатантами и гражданскими лицами. Вероломные нападения создавали и еще одну угрозу для мирного населения: значительное число мирных афганцев были ошибочно убиты правительственными или международными силами, принимавшими их за смертников»[17].

В 2006 году, в сравнении с 2005 годом, удвоились и без того многочисленные нападения на учителей и школы, особенно школы для девочек. В результате сотни тысяч учащихся были вынуждены прекращать занятия. Талибы и другие антиправительственные силы нападают на школы по идеологическим соображениям, поскольку считают их чуждыми исламу или воспринимают, особенно в сельской местности, как единственный символ центральной власти.

[17] Афганистан: эскалация вооруженного противостояния бьет по мирному населению. Растущие цифры гражданских потерь указывают на военные преступления талибов и «Хизби-Ислами» // http://www.hrw.org/russian/docs/2007/04/16/afghan15709.htm

«Human Rights Watch» отмечает, что операции афганских правительственных войск и международных сил также сопровождались значительными гражданскими потерями. В 2006 году в результате действий коалиционных или натовских сил погибло по меньшей мере 230 гражданских лиц; представляется, что некоторые операции проводились с нарушениями законов и обычаев войны. В ряде случаев международные силы наносили неизбирательные удары или не предпринимали адекватных мер предосторожности.

Дополнительные сведения о действиях натовских, в первую очередь американских военных, приводит очевидец – российский журналист Андрей Грешнов.

«От проносящихся как пули конвоев бронетехники США надо держаться подальше. Лучшее, что может ждать водителя легковушки, даже с красными дипломатическими номерами, не заметившего колонны, – брошенная американцами в стекло бутылка или банка, а с обычными городскими номерами белого цвета – пулеметная или автоматная очередь.

Всем иностранным гражданам рекомендуется немедленно изменить маршрут движения, если в поле зрения вдруг попадает американская военная колонна, и объехать ее стороной. Иракский синдром американцев перекинулся на Кабул.

То, что американцы такие «злые на всех», понять можно. Боевики движения «Талибан» избрали их в качестве мишени для проведения терактов. Если в войне 1980-х годов теракты с участием смертников в афганской столице не происходили (моджахеды берегли свои жизни для продолжения вооруженной борьбы), то сейчас воины Аллаха применяют их повсеместно. Недавнее нападение на американский конвой на дороге Кабул – Джелалабад с жертвами и сожженными машинами – яркое тому подтверждение.

Каждую неделю в различных районах афганской столицы гремят взрывы. Но местные СМИ, находящиеся под негласным контролем иностранных советников, о них сообщают крайне редко и неохотно. В Кабуле все спокойно. Новости в прессе или на телевидении о совершенных терактах появляются лишь тогда, когда эти факты невозможно замолчать ввиду обилия жертв или масштаба разрушений.

Отличить американский военный конвой от французского или, скажем, турецкого весьма легко. Все, кроме американцев, вывешивают на бронетранспортеры флажки национальных цветов. Впрочем, иногда от талибов перепадает и им, хотя в несколько меньшей степени, чем американцам.

По словам местных жителей, военнослужащие США часто применяют оружие, не разбираясь, кто сидит в приблизившейся на «опасное», с их точки зрения, расстояние машине. За человеческие жертвы среди мирного населения они ответственности не несут в связи со «сложностями военного времени»... Человеческая жизнь не стоит сейчас здесь и копейки, хотя общечеловеческие ценности

провозглашены правительством Хамида Карзая как одна из главных целей построения исламского государства»[18].

Таким образом, натовские, в первую очередь американские, военные своими действиями, неизбирательными ударами, влекущими за собой жертвы среди гражданского населения, а также фактическим игнорированием требований кабульских властей, в частности Хамида Карзая «смотреть, куда стреляют», серьезно ухудшают как свой собственный имидж, так и афганского правительства.

Примечательно, что весной 2007 года командование британскими войсками в Афганистане потребовало убрать из британской зоны ответственности американский спецназ. О разных взглядах и методах Лондона и Вашингтона на ведение войны с террором сообщала «The International Herald Tribune». По сведениям издания, причина разногласий – в ухудшении общей обстановки из-за большого количества жертв среди мирного населения, вызванного действиями подразделений США.

Из всех вышеприведенных сведений следует, что ситуация в стране меняется в худшую сторону не только количественно, но и качественно.

Во-первых, за последние два года талибы расширили географическую зону своей активности, в том числе на восточные провинции. Обострилась обстановка на севере и на западе Афганистана, в частности в Герате, а также в приграничных с Узбекистаном и Таджикистаном провинциях. Между тем, вплоть до недавнего времени север и запад Афганистана считались абсолютно спокойными местами. Сейчас же сообщения о перестрелках той или иной степени интенсивности или о нападениях на военные или гражданские объекты поступают практически из всех провинций. Хотя основные боевые действия попрежнему ведутся в южных провинциях Гильменд и Кандагар, который во второй половине 1990-х годов был основным оплотом талибов и фактически второй столицей Афганистана (основное руководство движения, в том числе мулла Мухаммад Омар, в Кабул не переезжали), а также на востоке, в частности в Нангархаре и Пактии.

Во-вторых, в тактике действий боевиков отмечаются новые элементы, ранее не характерные ни для моджахедов 1980-90-х, ни для талибов. Речь идет о диверсионно-террористических актах – нападениях на натовских и афганских военных с целью уничтожения или, возможно, захвата оружия и боеприпасов, на сотрудников афганской полиции, на объекты государственной власти (точнее, на все то, что может так или иначе ассоциироваться с понятием «государственная власть») или на гражданских лиц с использованием смертников.

За последний год в Афганистане произошло несколько демонстративных покушений и громких терактов как в столице, так и в провинции,` направленных, в том числе, против известных политиков. Так, 6 ноября 2007 года во время посещения парламентской делегацией сахарного завода в провинции Баглан к северу от Кабула подорвал себя террорист-смертник. Жертвами взрыва стали, по раз-

[18] Афганские водители советуют избегать встреч с конвоями миротворцев // http://www.rian.ru/report/20070608/66896968.html

личным сообщениям, от 80 до 100 человек, среди которых женщины и дети. Талибы отказались взять на себя ответственность за этот теракт. Впрочем, не взяла на себя ответственность за это преступление никакая другая из действующих в стране вооруженных группировок. В результате взрыва был убит один из лидеров Национального Фронта, бывший министр торговли Саид Мустафа Казими.

Ранее, в 1980–90-е годы моджахеды, воевавшие против советских и афганских правительственных войск, а потом друг с другом, смертников не использовали – берегли своих людей, которые постепенно накапливали боевой опыт и, соответственно, становились все более ценными в ходе военных действий. Об этом свидетельствует, в частности, многочисленная военно-мемуарная литература – воспоминания советских участников боевых действий в Афганистане в 1979–1989-х годах. Кроме того, это расценивалось моджахедами как самоубийство – страшный грех в исламе. Практически не было смертников и в 1990-е годы – ни у моджахедов, ни у талибов.

Зато смертники широко применяются в войнах на Ближнем Востоке, в первую очередь на палестинских территориях и в Ираке.

В частности, теракт наподобие того, что произошел 17 апреля 2007 в Кабуле, когда боевик-смертник посреди города рано утром взорвал автобус с сотрудниками афганской полиции, в результате чего погибли как минимум 35 человек и пострадали несколько случайно оказавшихся рядом прохожих, «нормален» для Ирака, но «не нормален» для Афганистана последние четверть века.

Цели, которые преследуют организаторы и исполнители такого рода акций, достаточно очевидны – создать атмосферу неуверенности и страха среди гражданского населения, посеять панику.

Кроме того, в общественном сознании ответственность за такие деяния, как правило, ложится не только на боевиков, но и на собственные власти, которые не могут обеспечить элементарную безопасность. И, разумеется, на западных миротворцев. Это обстоятельство серьезно подрывает доверие людей и к афганскому правительству, и лично к президенту, которые в 2001 году имели весьма солидный «кредит доверия».

Таким образом, складывается порочный круг, когда боевая активность талибов, с одной стороны, сужает зону влияния кабульских властей, а с другой – провоцирует силы натовской коалиции на более жесткие ответные действия, в том числе на более интенсивное использование боевой авиации во время военных действий. Последнее влечет за собой рост числа так называемых «случайных потерь», что, в свою очередь, рикошетом бьет по властям и объективно играет на руку талибам.

В-третьих, «новшеством» (которое, впрочем, больше напоминает «хорошо забытое старое») являются случаи захвата талибами заложников из числа иностранных граждан, работающих в Афганистане по гражданским контрактам. Наиболее показательным стал захват 19 июля 2007 года в провинции Газни крупной группы южнокорейских миссионеров. Талибы таким специфическим образом серьезно заявили о себе во время проведения в августе 2007 года в Кабуле совместной

«афгано-пакистанской Джирги», которая как раз обсуждала проблемы обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом.

45-дневная эпопея с захватом южнокорейских заложников показала, что талибы пытаются позиционировать себя не просто как одну из воюющих сторон вооруженного конфликта, но как самостоятельную политическую силу, которая требует признания в качестве таковой как на внутриполитической, так и на внешнеполитической арене. Это проявилось, в частности, в требовании ведения прямых переговоров с представителями Сеула, минуя Кабул, или при посредничестве третьих стран. В мировой практике принято вести переговоры только с равными сторонами. Очевидно, что официально объявленные требования талибов – вывод южнокорейского контингента или освобождение своих соратников из тюрем – истинной целью захвата заложников не были, тем более, что Южная Корея и так собиралась свой контингент к концу года выводить. Сведения же о заплаченном за миссионеров выкупе ходили лишь на уровне неофициальной информации. Кроме того, талибы в ходе южнокорейской эпопеи получили открытую трибуну, впервые с 2001 года проведя в Газни публичную пресс-конференцию (что вызвало вполне понятную негативную реакцию Кабула). Таким образом, обозначилась еще одна цель этой акции - информационно-пропагандистская.

В-четвертых, очевидна интенсификация боевых действий в южных районах. Вследствие жесткой военной цензуры, через которую проходят все сообщения СМИ, которые опираются на официальные источники в натовском военном командовании, зачастую не удается с уверенностью определить, что именно происходит в том или ином районе. Как правило, сообщается лишь о «совместных операциях вооруженных сил Афганистана и сил НАТО» в провинциях Кандагар, Гильменд, Забуль и Газни, реже – в Пактии и Нангархаре.

Однако любопытные подробности содержатся, в частности, в одном из докладов «Human Rights Watch»: «Полгода назад Международные силы содействия безопасности, в которые входят контингенты Австралии, Великобритании, Дании, Канады, Нидерландов, Румынии, США и Эстонии, расширили зону своих операций, включив в нее южные провинции. В последнее время они сталкиваются с растущим сопротивлением со стороны набирающих силу талибов и племенных полувоенных формирований, которые финансируются за счет рекордных объемов наркоторговли. Несмотря на неоднократные обращения к странам-членам альянса направить в Афганистан дополнительные силы и предоставить дополнительное материально-техническое обеспечение, на юге страны дислоцировано всего 18 тысяч натовских военнослужащих.

В своих операциях против боевиков натовские силы активно используют поддержку с воздуха. Подробности не раскрываются, однако об интенсивности боев свидетельствует тот факт, что в июне 2006 года Центральное командование США отчиталось за 340 авиаударов, нанесенных по Афганистану, что более чем вдвое превышает соответствующую статистику по Ираку (160).

Натовские силы сообщают о применении таких типов самолетов, как B-1, F-16, «Харриер», а также предназначенных для борьбы с

танками А-10 «Уортог». «Human Rights Watch» в особенности обеспокоена неоднократными сообщениями о применении в населенных районах самолетов А-10. Хотя их основная цель – бронетехника, они также имеют на вооружении скорострельные пушки и осколочные боеприпасы для подавления пехоты»[19].

Применение тяжелых стратегических бомбардировщиков и многоцелевых истребителей для тактической авиационной поддержки с воздуха наземных операций (а именно в этом качестве в Афганистане и используются боевые самолеты, разумеется, ни о каких воздушных боях между американскими и талибскими истребителями речи идти не может по определению) свидетельствует не только об интенсивности боев, но и о явном нежелании западных военных нести лишние потери. Но это же, с другой стороны, ведет и к росту числа жертв среди гражданского населения.

Сами члены Североатлантического альянса уже давно признали, что в Афганистане столкнулись с чрезвычайно трудной миссией. Так, генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер в мае 2007 года заявил на весенней сессии парламентской ассамблеи альянса, что «в Афганистане НАТО столкнулась с самой трудной миссией в своей истории»[20].

Еще одной интересной особенностью «сезона боев» 2007 года является рост потерь ВВС альянса. На настоящий момент силы стран НАТО и афганская армия обладают полным превосходством в воздухе, поскольку серьезных средств ПВО у талибов нет. Однако, по официальным и неофициальным данным, менее чем за семь летних недель альянс потерял в Афганистане два боевых вертолета «Чинук» и два боевых самолета. Получается, что в июне и июле 2007 года натовцы и американцы теряли боевые машины в среднем каждые две недели [21].

Так, 30 мая в Гильменде потерпел катастрофу американский вертолет «Чинук», в результате чего погибли, по данным НАТО, семь военнослужащих ISAF (пятеро американцев, один британец и канадец), а по заявлениям талибов – 35 солдат коалиции. Представители талибов сразу же объявили, что «вертушку» сбили они с помощью новых средств ПВО, которые у них якобы появились.

26 июня талибы заявили, что сбили два боевых иностранных самолета. Натовцы опровергли эту информацию, но руководитель местной полиции Нангархара подтвердил факт падения одного из самолетов в районе Хугиани. Наконец, 10 июля талибы вновь заявили о том, что в Лагмане сбили огнем с земли вертолет «Чинук». НАТО вновь опровергло информацию, но талибы стояли на своем.

Авиакатастрофы натовских вертолетов и самолетов совпали как с декларациями талибов о появлении у них новых средств ПВО, так и с

[19] Афганистан: необходимы дополнительные меры по защите гражданского населения. Международные силы содействия безопасности должны создать фонд для компенсации пострадавшим // http://www.hrw.org/russian/press/2006/301006_afgan.html

[20] Схеффер: никогда раньше НАТО не было так трудно, как в Афганистане// http://www.rian.ru/defense_safety/20070526/66142613.html

[21] Китайские ПЗРК способны обрушить афганскую миссию НАТО// http://www.afghanistan.ru/doc/9629.html

заявлением Пентагона о том, что у талибов обнаружено некое новое оружие китайского производства.

Если информация о появлении у талибов средств ПВО подтвердится, это может иметь далеко идущие последствия. Сейчас военная стратегия НАТО в Афганистане строится на безусловном господстве в небе. Боевая авиация американцев и англичан является решающим аргументом в боях с талибами. Если бы не ВВС, потери западного контингента были бы намного выше, а учитывая низкий «болевой порог» европейского общественного мнения, это поставило бы под угрозу всю миссию НАТО.

Поэтому одним из условий успешного ведения боевых действий западной коалиции, а также вообще участия западных военных в афганской операции, является сохранение гегемонии в воздухе. А это требует недопущения появления у противника средств ПВО. В Вашингтоне и Брюсселе очень остро реагируют на малейшие слухи о возможности появления у талибов ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс).

Примерно год назад талибы заявили о том, что получили доступ к ПЗРК «Стингер», которые якобы уцелели еще со времен 1980-х годов, когда они были поставлены туда из США моджахедам, воевавшим с советскими и афганскими правительственными войсками. Тогда эти слухи активно распространял Г. Хекматъяр, намекая, что у него остались запасы американских ПЗРК, переданных ему в 1980-е годы.

Однако «Стингеры» тогда так и не проявились. Хекматъяр мог просто блефовать. Так или иначе, талибы в 2006 году эффективных средств ПВО не получили. Однако ситуация, похоже, может измениться после появления информации о том, что в середине 2007 года талибы начали воевать китайским оружием.

В пользу вероятной связи между летними авиакатастрофами НАТО в Афганистане и заявлениями талибов о получении средств ПВО говорит и еще один эпизод. 18 июля появились сведения о том, что США приступают к развертыванию в Афганистане ударных эскадрилий самолетов-роботов. До сих пор вооруженные силы США использовали беспилотные самолеты для ведения разведки и нанесения единичных ударов по специальным целям. Однако теперь на вооружение принимается новый вид самолетов-роботов «Риппер», способных проводить крупные штурмовые операции. Управление будет производиться на расстоянии почти 10 тысяч километров из специального компьютерного центра, находящегося в штате Невада.

Переход американцев к использованию беспилотных штурмовых самолетов можно объяснить только одним – появлением или близкой перспективой появления эффективных средств ПВО у противника. Американцы не хотят рисковать своим персоналом и дорогостоящей боевой техникой и намерены изменить технологию беспилотного контроля над воздушным пространством.

Однако обойтись одними только самолетами-роботами миссия НАТО не может. Роль главных «смертников» на перспективу придется играть афганским летчикам, которым будет постепенно передаваться

тактический авиационный контроль и которым, соответственно, натовцы «делегируют» основные потери.

Наконец, происходит очевидное расширение состава антиправительственных и антинатовских сил, которых зачастую собирательно именуют «боевиками талибов и «Аль-Каиды».

Цензура, через которую проходят все сообщения о боевых действиях в Афганистане, зачастую не позволяет с уверенностью сказать, кто именно обстрелял ту или иную натовскую колонну и кто вообще воюет с натовскими военными и с афганской армией. Сообщения СМИ, которые все опираются на официальные источники в военном командовании Североатлантического альянса, сплошь и рядом называют «боевиком талибов» едва ли не любого афганца с автоматом. Между тем, совершенно очевидно, что это не так.

В частности, из обнародованного в апреле 2007 года доклада «Human Rights Watch» следует, что свою весомую лепту в эскалацию насилия в Афганистане вносит Исламская партия Афганистана под руководством непотопляемого, во всяком случае, пока, Хекматъяра[22].

В последние годы правления талибов Хекматъяр проживал в Иране. Когда США и НАТО в 2001 году начали военную операцию против талибов, он публично пообещал, что западные миротворцы об этом еще пожалеют, но сам в бой рваться не стал. А вскоре после прихода к власти временного правительства Хамида Карзая объявил джихад и ему, и натовцам.

Затем Хекматъяр, который как бы официально находится в розыске (и афганскими правоохранительными органами, и вооруженными силами США) по обвинению в совершении терактов, из Ирана исчез. В настоящее время его точное местонахождение не вполне понятно: по одним данным, он находится в Карачи (или где-то в районе афгано-пакистанской границы), по другим – уже в Хосте.

Между тем, в пакистанских СМИ однажды появилась информация о том, что с ИПА ведут тайные переговоры американцы. Сообщалось, что переговоры «достигли значительных успехов»[23]. Сын Хекматъяра, Дин Мухаммад, обучавшийся в США, выполняет роль посредника между своим отцом и американцами. Последние, судя по всему, не ставят ИПА в один ряд с талибами и «аль-Каидой». Представитель партии в Пешаваре Кутбуддин Халал открыто бывает в Лондоне, что также говорит о наличии определенных договоренностей между лидерами ИПА и стран коалиции во главе с США.

Сам Гульбеддин Хекматъяр от времени появляется на публике с видео- и аудиообращениями[24], в которых обещает натовцам джихад до победного конца и до их полного изгнания из страны, и дает интер-

[22] Афганистан: эскалация вооруженного противостояния бьет по мирному населению. Растущие цифры гражданских потерь указывают на военные преступления талибов и «Хизби-Ислами» // http://hrw.org/russian/docs/2007/04/16/afghan15709.htm

[23] Политические партии и движения Афганистана накануне парламентских выборов 2005 г. // http://www.afghanistan.ru/doc/5606.html

[24] См., в частности, http://www.tanweer.blogfa.com/

вью, в том числе и западным СМИ, в которых ругает и американцев, и талибов.

Готовность и способность «муллы Рокетъяра»[25] к переговорам, впрочем, следует оценивать адекватно – он уже достаточно проявил их за свою бурную военно-политическую карьеру. Можно не сомневаться в том, что за его обещаниями «продолжать джихад до тех пор, пока все иностранные оккупационные войска не уйдут из нашей страны и в свободном и независимом Афганистане не установится исламское правление на благо народа» стоят и будут стоять совершенно конкретные действия, в том числе и боевые[26]. В частности, по данным афганских СМИ, боевики Гульбеддина Хекматьяра действуют в Логаре. Учитывая личность Хекматъяра, кажется почти невероятным, что он смирится со своим уходом в военно-политическое небытие. Скорее наоборот, он будет пытаться вернуться в высшие эшелоны власти любыми методами и любыми средствами – во всяком случае, до тех пор, пока жив.

А вот наличие информации о неких «договоренностях» между ИПА (или, во всяком случае, какой-то ее частью) и американцами может указывать на то, что Соединенные Штаты сами могут быть заинтересованы в возвращении Хекматьяра в большую политику в том или ином качестве и в подходящий для этого момент.

Кроме того, отмечено участие в боевых действиях на юге и востоке Афганистана «племенных полувоенных формирований», однако о ком именно в данном случае идет речь – сказать с определенностью трудно.

Кроме того, очевидно, что в боевых действиях участвует кто-то еще. В первую очередь это касается северных провинций. Речь в данном случае должна идти уже о каких-то сугубо местных вооруженных формированиях, однако об их конкретной партийной, а также этнической принадлежности достоверная информация отсутствует.

И наконец, с чрезвычайно любопытными заявлениями начали с весны 2007 года выступать западные военные и дипломаты, обвиняя в поставках вооружений афганским талибам Иран, причем на уровне властей Исламской республики.

Первыми об этом заговорили представители британского «Foreign Office». Посол Великобритании в Кабуле обвинил Иран в поставках оружия талибам. Это произошло после того, как министр обороны США Роберт Гейтс высказал опасение о растущем, по его мнению, влиянии Ирана в Афганистане.

Затем глава Объединенного комитета начальников штабов США генерал Питер Пэйс заявил 17 апреля 2007 года, что у боевиков талибов в провинции Кандагар изъято оружие иранского происхождения. По его словам, иранскую маркировку имели захваченные у талибов взрывные устройства и противотанковые установки. Он тогда не стал

[25] Это неофициальное, но широко распространенное прозвище – «любитель ракет» – Хекматъяр получил в первой половине 1990-х годов за постоянные ракетные обстрелы Кабула.

[26] http://www.tanweer.blogfa.com/

уточнять ни количества изъятого вооружения, ни возможные пути его попадания к талибам.

На самом деле факт обнаружения оружия иранского производства в провинции Кандагар сам по себе не говорит ни о чем – оно могло попасть туда через сколько угодно рук и когда угодно, в том числе несколько лет назад.

Официальный Тегеран всякие обвинения в свой адрес отверг, представители кабульской администрации также не подтвердили тогда информации о поддержке талибов иранцами, и тема временно была закрыта.

Однако спустя две недели после заявления Питера Пэйса, 30 апреля, американские военные начали сразу две наступательные операции в пограничной с Ираном провинции Герат. В Шинданде американцы провели настоящие «зачистки», против отрядов талибов была использована американская военная авиация. В ходе гератских операций США было убито, по официальным сведениям, более 130 боевиков, а также, по неофициальным данным, несколько десятков мирных жителей. Глава гератской полиции заявил, что апрельские операции в афгано-иранском пограничье проводились только американцами и по их инициативе, без участия афганских военных и сил безопасности. Между тем американцы и их союзники, как правило, никогда не проводят наземных операций самостоятельно, без поддержки афганской армии или полиции.

Неожиданная боевая активность американцев в относительно стабильной провинции (Герат в апреле 2007 года не был «фронтовым» районом), «зачистка» гератского плацдарма тогда внятных объяснений не имели. Однако с учетом последующих демаршей Вашингтона, можно предположить, что подлинной их целью являлся поиск американцами иранского оружия. Очевидно, что после заявлений генерала Пэйса, США нуждались в доказательствах иранских поставок оружия афганским боевикам. И его было вполне логично искать в афгано-иранском пограничье, а вовсе не там, где о его обнаружении было впервые объявлено – на другом конце Афганистана.

В июне 2007 года тема «иранского следа» получила новое продолжение. «The Washington Post» со ссылкой на высокопоставленных официальных лиц из США и европейских стран сообщила, что Иран увеличивает поставки оружия талибам и шиитским экстремистам в Ираке. Тегеран вновь опроверг обвинения, а министерство обороны Афганистана распространило заявление о том, что у него нет данных о поставках иранского оружия боевикам талибов.

Однако уже 13 июня в поставках оружия талибам Иран обвинил заместитель госсекретаря США Николас Бернс. По его словам, правительство Ирана оказывает помощь для свержения правительств на всем Ближнем Востоке. «В настоящее время Иран занимается даже тем, что переправляет оружие движению Талибан в Афганистане», – заявил он.

Вслед за высокопоставленным американским дипломатом обвинения против Тегерана выдвинул министр обороны США Роберт Гейтс. На следующий день шеф Пентагона, находившийся с визитом

в Германии, заявил, что иранское оружие в таких количествах поступает в Афганистан, что правительство Исламской Республики Иран не может об этом не знать. «Учитывая все количество оружия, трудно предположить, что поставки связаны исключительно с действиями контрабандистов или наркодельцов, без того, чтобы это было известно руководству страны», – заявил Гейтс. Глава Пентагона отметил, что видел отчет, в котором содержались сведения, ясно указывающие на причастность правительства Ирана к поставкам вооружений боевикам талибов.

После совместных демаршей госдепартамента и министерства обороны США изменилась и позиция министерства обороны Афганистана. 15 июня глава военного ведомства Абдуррахим Вардак подтвердил информацию о поставках оружия иранского происхождения талибам. Вместе с тем он подчеркнул, что сведений о поставщиках оружия у него нет, более того, по сообщениям агентства Бахтар, он посчитал прямые поставки из Ирана маловероятными.

В начале августа Вашингтон устами официального представителя Белого дома Даны Перино вновь обвинил Тегеран в поставках оружия талибам.

Вопрос, однако, остается – кому же именно поставляет оружие Тегеран, если вообще поставляет?

Иран действительно оказывал военную помощь в 1980-е и 1990-е годы группировкам моджахедов – главным образом хазарейским, то есть шиитским (шиизм в Афганистане исповедуют главным образом хазарейцы, горные таджики [исмаилиты] и кызылбаши, то есть из 98 % населения, исповедующего ислам[27], шииты составляют примерно 18 %, остальные – сунниты ханафитского мазхаба).

Талибы же, несмотря на весьма пестрый национальный состав (их давно уже нельзя считать «пуштунской группировкой» по этническому составу, в их рядах были неоднократно замечены многочисленные арабы, пакистанцы, узбеки, выходцы из России, главным образом из Северного Кавказа, а также перешедшие в ислам европейцы и даже американцы), – сунниты.

В спокойное, мирное время представители этих двух крупнейших ветвей ислама на уровне обычных, простых людей спокойно уживаются друг с другом и вполне способны считать друг друга братьями по вере, пусть и заблудшими. Однако на уровне религиозного экстремизма, тем более при наличии специальной пропаганды или каких-то дополнительных раздражителей (которые, возможно, вообще не имеют никакого отношения к какой бы то ни было религии) ни о каком «братстве» речи уже не идет, для суннитского радикала шиит – едва ли не хуже, чем неверный. Те платят взаимностью.

Более того, как отмечает пакистанский исследователь Ахмед Рашид, «после 1992 года жестокая гражданская война покончила с многовековой афганской традицией терпимости и согласия. Степень вражды между различными направлениями ислама и этническими

[27] Индусы и сикхи, пришедшие в Афганистан в 19 веке с английскими обозами, в основной свой массе покинули страну к 1998 году. Так же поступили и бухарские евреи, их осталось всего несколько десятков человек на всю страну, а на весь Кабул – всего двое.

группами была настолько сильна, что ни один афганец прежде не смог бы вообразить такого. Массовые убийства хазарейцев Масудом в Кабуле в 1995 году, талибов хазарейцами в 1997 году, хазарейцев и узбеков талибами в 1998 году, не имеющие прецедента в истории Афганистана, произвели страшное и необратимое действие на дух и религиозное сознание нации. Откровенно антишиитская программа талибов опорочила ислам и единство страны, те, кто был в меньшинстве, массами бежали за границу»[28].

Таким образом, предположить наличие в рядах афганских талибов специальных «шиитских формирований» практически невозможно.

Более того, если принять на веру утверждения американских и британских военных и дипломатов, это будет первый и можно сказать уникальный случай оказания Ираном прямой помощи «чужим», поскольку и Иран, со своей стороны, с 1979 года работает только со «своими», шиитскими, организациями на Ближнем Востоке и в Ираке.

Можно было бы предположить, что Иран поставляет оружие кому-то из своих старых клиентов. До 1989 года в Афганистане действовало много шиитских партий, штаб-квартиры которых находились на территории Ирана, соответственно, все они находились под иранским контролем. Между ними регулярно происходили конфликты и вооруженные стычки – как, впрочем, и между всеми остальными группировками моджахедов. Лишь после того, как в 1988 году в Пешаваре представители суннитских исламских партий создали «Временное правительство в изгнании», в котором не нашлось места шиитам, они решили объединиться. У них не было и нет никаких идеологических разногласий, а все противоречия между ними носили и носят исключительно личностный и тактический характер.

Однако сейчас все партии, входившие некогда в шиитский «Альянс восьми», сегодня продолжают свое активное присутствие на политической сцене Афганистана. Старые, традиционные клиенты Ирана ныне интегрированы в легальную политическую систему страны. Они официально зарегистрированы в Минюсте, представлены в парламенте и в правительстве, более того, зачастую лидеры шиитских партий занимают там высокие посты.

Таким образом, картина вырисовывается почти мифическая. Имеется неизвестно, сколько оружия и боеприпасов иранского производства, которые поставлены неизвестно кому, неизвестно кем и неизвестно когда.

Хоть сколько-нибудь вразумительных объяснений, на наш взгляд, может быть несколько.

---

[28] Ахмед Рашид. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. – М., 2003. С. 118. Ко всему перечисленному пакистанским исследователем следует также добавить политику «выдавливания» северных пуштунов, периодически сопровождавшуюся физическим уничтожением в целом ряде северных провинций Афганистана, прилегающих к границам СНГ, в 1990-е годы, когда гражданская война приняла межэтнический характер. Как отмечают некоторые наблюдатели, к настоящему моменту «пуштунская прослойка» в Северном Афганистане существенно сократилась.

Во-первых, речь может идти о старых запасах вооружений, действительно поставленных Ираном шиитским группировкам до 2001 года.

В этой связи вполне логичны и поиски американцами иранского оружия именно в приграничных с Ираном провинциях, где его однозначно должно быть много. И там они его еще найдут – если будут искать. На юг, в Кандагар оружие иранского производства могло попасть к талибам через какие угодно руки и по каким угодно каналам. Очевидно, что там, где растет интенсивность боевых действий, растет и потребность в вооружениях и боеприпасах, и спрос порождает предложение. Но это ни в коем случае не означает, что иранские власти действительно поставляют оружие талибам.

В конце концов, за почти 30 лет войны в Афганистане любого оружия разнообразного производства скопилось огромное количество. Одних только автоматов Калашникова (чьего угодно производства), по некоторым данным, 20 миллионов, но это не значит, что Россия сейчас поставляет оружие талибам.

Во-вторых, где-то на территории Афганистана действительно сформировались какие-то новые шиитские вооруженные отряды, которые могли начать налаживать связи с Ираном на предмет поставок вооружений (хотя для того, чтобы его получить, им еще нужно сначала доказать иранцам свою состоятельность и дееспособность), но эти вооруженные отряды никак не связаны с талибами. Что, в таком случае, это за отряды, мы тоже пока не знаем. Очевидно, что для придания убедительности версии об «иранском оружейном следе», американцам и британцам придется предъявить миру и каких-то получателей этого оружия – более реальных, чем «какие-то талибы».

Подобного рода заявления следует расценивать в первую очередь как стремление США в очередной раз изобразить Иран главным источником всего мирового зла или, по крайней мере, главным источником зла для всего региона «Большого Ближнего Востока». А заодно и увязать вместе сразу два таких «зла» – «страшный Иран» и еще одно «пугало» – «страшных талибов».

Побудительные же мотивы подобного стремления, рассчитанного на внешнее потребление, имеют мало отношения к происходящему в Афганистане.

В последние месяцы Иран действительно активизировал свою политику на афганском направлении, которая направлена на усиление своего влияния в соседней стране. Однако вся она проходит в сугубо политических рамках. Категорически же утверждать, что Тегеран воюет в Афганистане чужими руками, на наш взгляд, преждевременно.

Подводя итог всему сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что неспособность стран НАТО взять под контроль ситуацию в области безопасности в Афганистане становится все более очевидной. Более того, военно-политическая обстановка в стране меняется в сторону от плохого к худшему.

На этом фоне США и их главному союзнику – Великобритании – все труднее убеждать «старых» членов альянса в необходимости продолжения их участия в военной операции.

На завершившемся 24 октября 2007 года в Риге «круглом столе» главы НАТО, обсуждавшие в том числе ситуацию в Афганистане, договорились об очередном усилении и перегруппировке войск. Договоренность далась очень непросто – представителям США, Канады и Великобритании в очередной раз пришлось преодолевать сопротивление Франции и Германии, которые в бой уже давно не рвутся. Афганская кампания непопулярна в этих странах и рейтинга правительствам не добавляет. Более того, в кулуарах некоторых европейских столиц начали поговаривать о том, не пора ли войска из Афганистана выводить (а Япония, к примеру, уже завершила свое участие в афганской миссии).

Самыми активными противниками увеличения численности войск НАТО в Афганистане являются Германия, Франция, Италия и Испания. Руководство этих стран как минимум осознало тот факт, что это не принесет пользы ни Афганистану, ни им самим, но приведет лишь к ухудшению обстановки и росту потерь – в первую очередь своих собственных при очень низком «болевом пороге» в обществах европейских стран. В частности, Германия за время своего участия в миссии в Афганистане потеряла убитыми 25 военнослужащих бундесвера. Опросы общественного мнения, проведенные в июне 2007 года немецким социологическим институтом «Полис», показали, что уже 61 % немцев требует вывода германского контингента. И только 36 % разделяет мнение канцлера ФРГ Ангелы Меркель о необходимости участия страны в натовской миссии. Пока европейское руководство не решается идти на открытую конфронтацию с Вашингтоном. Однако, по мнению экспертов, те страны, которые имеют политическую самостоятельность, рано или поздно из Афганистана уйдут.

Состоявшееся в конце октября 2007 года в голландском Нордвейке совещание министров обороны стран-членов НАТО показало, что ни одна из стран альянса не хочет направлять свои войска на охваченный боями и в значительной степени контролируемый талибами юг Афганистана или передислоцировать их туда с относительно спокойного севера. Проблема с комплектованием натовских сил в Афганистане возникла после того, как Канада и Нидерланды объявили о возможности сокращения численности своих войск, дислоцированных в южных районах.

На совещании в Нордвейке из 26 стран НАТО свою решимость усилить участие в афганской кампании подтвердили всего девять. Да и то, Франция ограничилась отправкой 50 инструкторов для обучения афганской армии. Германия также объявила, что готова помочь только инструкторами и военными строителями.

Таким образом, вся тяжесть борьбы с талибами ложится на плечи американцев (и, частично, – англичан и канадцев). А они, в свою очередь, делают все, чтобы переложить эту обязанность (и, главное, потери) на плечи в срочном порядке реформируемой, перевооружаемой и обучаемой афганской армии.

В то время, как «старые» члены НАТО отнюдь не горят желанием активно воевать в Афганистане, все большая роль отводится «новым» членам альянса или претендентам на членство, которые стремятся не столько внести свой вклад в обеспечение безопасности в Афганистане, сколько показать свою лояльность альянсу в целом и Соединенным Штатам в первую очередь. В Афганистане, в частности, находятся контингенты Венгрии, Словакии, Польши, Грузии, Азербайджана, Латвии, Эстонии и Литвы.

США и страны НАТО, попав в Афганистане в положение, которое можно охарактеризовать известной фразой, «уйти нельзя остаться», и предпринимая попытки как-то повлиять на ситуацию, тянут в афганский капкан все новые и новые страны.

Наконец, еще одним свидетельством сложности положения, в котором оказался в Афганистане Североатлантический альянс, является его готовность отказаться от идеи борьбы «до победного конца» и поддержать идею переговоров с талибами. Впрочем, по этому вопросу – кто, с кем и как будет разговаривать, будет ли вообще и на какую тему? – единства мнений нет не только в странах альянса, но и в самом Кабуле тоже.

На тактическом уровне подобного рода переговоры еще могут проходить успешно. Это показала, в частности, операция по ликвидации опорного пункта талибов в Муса-Кале в провинции Гильменд, проведенная в декабре 2007 года силами 205-й дивизии афганской армии при поддержке спецназа Великобритании, США и авиации западной коалиции. Схема, примененная во время занятия Муса-Калинского плацдарма, выглядела следующим образом. На первом этапе представители Кабула и западной коалиции делают все возможное для прекращения огня и начала переговоров с командирами талибов, целью которых является убедить их в необходимости передачи власти над тем или иным населенным пунктом или районом в руки местных властей (старейшин племен и родов). Задача этого этапа – заставить талибов ввести локальный мораторий на боевые действия и добиться их согласия на делегирование властных полномочий племенным авторитетам. На втором этапе начинается поиск «слабого звена» в рядах командного состава талибов, которые «заморозили» активные боевые действия. Главная цель – найти у талибов командира, имеющего возможность своими действиями оказать серьезное влияние на боевые возможности талибов и при этом тяготящегося своим нынешним статусом (другими словами, готового рассмотреть предложение стать министром в центральном правительстве, губернатором, депутатом парламента и т.д.). Когда такая фигура находится и обнаруживает готовность перейти на сторону Кабула, начинается реализация третьего, заключительного этапа. Части афганской армии и западных союзников начинают боевые действия против временно «помирившихся» талибов. На этом этапе главной задачей «агента влияния» является создание такой ситуации, при которой отряды талибов не смогут оказать серьезного сопротивления наступающим кабульским войскам. Другими словами, он обеспечивает «сдачу города» (района, боевых позиций и т.д.), тесно координируя свои шаги с частями афганской армии и западного спецназа. Боевики,

попавшие под перекрестный огонь или преданные одним из своих командиров, в этом случае обречены на поражение. После завершения операции Кабулу остается только сдержать данное «агенту влияния» обещание и максимально проинформировать своих противников о тех материальных и политических выгодах, которые тот получил в результате перехода на сторону Кабула. Опробованные в Муса-Кале новые британские технологии борьбы с талибами, как представляется, могут стать более эффективными, чем бомбардировки населенных пунктов и позиционные бои, которые позволяют Кабулу и силам западной коалиции закрепить за собой стратегическую инициативу в афганском конфликте. Важным условием реализации британской боевой технологии в Афганистане является изоляция наиболее непримиримых командиров талибов с их последующим уничтожением[29].

Кроме того, еще со времен 1980-х годов широко известна практика «договорных» или «дружественных банд» или полевых командиров, показавшая свою эффективность в ходе политики национального примирения во второй половине 1980-х годов, и о которой сейчас пытаются вспоминать. Однако тогда же выявились и ее естественные ограничения: так можно решить вопрос о власти на уровне населенного пункта, уезда, провинции или даже нескольких провинций, но так нельзя решить главный вопрос – власти в Кабуле. И в случае серьезных проблем или кризиса центральной власти все «дружественные полевые командиры» попросту разбегутся.

2. Внутриполитическая трансформация. Курс на национальное примирение

На этом фоне в высших эшелонах политической власти в Афганистане начинают происходить любопытные вещи. Совершенно очевидно, что за последние годы внутриафганская политическая жизнь значительно усложнилась. Вооруженное противостояние между талибами (и другими военно-политическими группировками) и международными силами – это лишь один из векторов противостояния различных сил.

В последнее время афганское руководство стало демонстрировать публичное намерение показать себя независимым от США и НАТО игроком, который в состоянии сам проводить собственную внешнюю и внутреннюю политику. Нередко на поверхность стали выходить разногласия – если не словесные перепалки – между афганскими и американскими политиками, а также их союзниками.

В частности, официальный Кабул регулярно обрушивается с резкими заявлениями в адрес Исламабада главным образом за недостаточную активность в борьбе с терроризмом и с талибами. Настоящую бурю негодования в Кабуле вызвало в начале этого года намерение пакистанских военных построить заградительные сооружения и заминировать пакистано-афганскую границу, так называемую «линию

[29] Британская «формула победы» над талибами прошла проверку в Гельманде // http://afghanistan.ru/doc/10785.html

Дюранда», не признанную Афганистаном в качестве официальной государственной границы между двумя странами. Впрочем, после того как афганцев поддержали ООН и НАТО, Пакистан устами главы МИД Хуршида Касури объявил о том, что планы по строительству заградительных сооружений могут быть пересмотрены.

С одной стороны, критику в адрес соседней страны можно считать традиционной для афганской внешней политики. «Ничто так не разъединяет страны, как общая граница» – отношения Афганистана с Пакистаном традиционно плохие с образования Пакистана в 1947 году из-за «проблемы Пуштунистана» и отказа Кабула признавать линию Дюранда официальной границей между Афганистаном и Пакистаном.

Однако Пакистан считается одним из главных союзников США в «антитеррористической кампании», и, конечно, в Вашингтоне предпочли бы, чтобы афганцы публично не демонстрировали разногласия между союзниками и эти союзники не каждый раз ссорились бы так откровенно, когда лидеры двух государств даже не удосуживаются обмениваться дежурными рукопожатиями на нейтральных встречах в третьих странах.

Кроме того, публичное намерение дистанцироваться от американцев демонстрирует временами и Хамид Карзай, которого, казалось бы, можно считать исключительно креатурой Вашингтона. Еще в июле 2005 года он впервые заявил о том, что Афганистан не нуждается в дополнительном увеличении численности американских войск: «Я не думаю, что сейчас нам нужно увеличение международных сил». Впоследствии он не раз повторял эту мысль.

По мнению экспертов, ужесточение позиции Карзая во многом можно рассматривать как ответ на публикации в газете «The New York Times» о том, что окружение президента Афганистана причастно к торговле наркотиками. «Компромат», опубликованный в американской прессе, вызвал в Афганистане серьезный скандал и острое негодование президентского окружения[30].

В ноябре 2006 года в парламенте прошли слушания, на которых многие депутаты осудили американскую политику, назвали ее «направленной против суверенитета страны и ее лидера».

В феврале 2007 года глава МИД Афганистана Рангин Дадфар Спанта объявил, что Афганистан получил только 5 % обещанной международной помощи, фактически обвинив США и других доноров в расхищении 75 %. «Пять процентов получило правительство, двадцать процентов были переведены в Фонд восстановления Афганистана, а остальные средства были потрачены самими странами-донорами», – заявил Спанта.

Позднее министр обороны Абдуррахим Вардак фактически возложил на натовских, в первую очередь американских, военных ответственность за ухудшение военно-политической обстановки в стране. Выступая на праздновании Дня сопротивления 28 апреля 2007 года, Вардак заявил, что «за последние четыре года наши международные друзья последовательно игнорировали наши предупреждения о реаль-

[30] http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/22/drugoy_afganistan/

ном положении на юге страны и о той поддержке, которая оказывается нашим врагам за границей». По его мнению, активизация талибов является результатом действий иностранных войск.

Кроме того, афганское правительство стало предпринимать попытки самостоятельно оказывать влияние на политику НАТО в стране. Так, в начале 2007 года в ходе визита в Брюссель афганская делегация во главе с Рангином Дадфаром Спантой предложила новую стратегию для НАТО в Афганистане, в соответствии с которой основной упор при стабилизации обстановки должен быть сделан на афганские силовые ведомства, в первую очередь на полицию.

Определенного влияния афганцам удалось добиться, поскольку саммит НАТО в Риге, состоявшийся в феврале 2007 года, показал, что общей стратегии альянса в Афганистане нет. На саммите произошла дискуссия между сторонниками силового пути, к которым относятся США и Великобритания, и пути мирного, сторонников которого возглавляет Германия, с обменом упреками и взаимной критикой. А главное – США и Великобритании не удалось добиться от остальных союзников по блоку более активного участия воинских контингентов их стран в боевых операциях на юге Афганистана. Воюют сейчас в Афганистане главным образом США, Великобритания и Канада, а контингенты других стран, расквартированные в других афганских районах, спасать американцев как не рвались, так и не рвутся. Как представляется, из числа «старых» союзников США самым слабым звеном является как раз Германия. Как отмечалось выше, согласно опросам общественного мнения, лишь треть жителей этой страны считают участие бундесвера в афганской операции «скорее правильным»[31]. Именно поэтому в последнее время талибы и активизировали нападения на граждан этой страны – как на военнослужащих бундесвера, так и на гражданских лиц.

Подобного рода заявления кабульского руководства могут быть расценены весьма и весьма неоднозначно.

С одной стороны, это явный популизм, рассчитанный в значительной степени на внутреннее потребление, поскольку в стране растет недовольство пребыванием натовских (в первую очередь американских) военных и их действиями (что показали, в частности, беспорядки в Кабуле в мае 2006 года, когда вроде бы незначительное происшествие – ДТП – вызвало народные волнения в городе, хотя не исключено, что и кем-то организованные).

Одновременно, как представляется, это попытка кабульского руководства показать, что оно не является слепо марионеточным, безропотно выполняющим любые указания «иностранных хозяев». В стране, где идея о том, что «мы свободный народ» является предметом общенациональной гордости всех 100 % жителей страны, репутация «марионетки» или «шкуры продажной» - самая скверная для власти из всех возможных после «собаки неверной».

Кроме того, подобного рода заявления можно расценивать и как стремление кабульского руководства переложить ответственность и

[31] http://www.dw-world.de/dw/article/0,,2740559,00.html?maca=rus-yandex_new_comments-325-xml

за ухудшение военно-политической ситуации в стране, и за отсутствие кардинальных изменений в экономике в сторону улучшения с собственных плеч на натовские. Руководство Североатлантического альянса, в первую очередь США, со своей стороны тоже регулярно выражает недовольство афганскими властями, обвиняя их в том, что они стремительно теряют доверие населения к себе и это подрывает усилия НАТО по стабилизации обстановки. Как заявил, в частности, высокопоставленный в прошлом американский дипломат Ричард Холбрук на международной конференции в Брюсселе, посвященной вопросам безопасности, правительство президента Карзая замкнулось на себе, оттолкнув своих прежних сторонников. Таким образом, стороны, понимая, что ситуация развивается не так, как бы всем хотелось, ищет «крайних» и того самого «стрелочника», который всегда во всем виноват.

Но с другой стороны, эти заявления кабульского руководства могут быть расценены действительно как намерение выровнять политический крен в сторону других возможных игроков на международной арене – и здесь этим игрокам, в том числе и России, есть о чем подумать над исходящими из Кабула сигналами.

В этой связи показательным может считаться участие Хамида Карзая в состоявшемся в Бишкеке саммите глав стран-членов ШОС. Афганистан имеет в этой организации статус наблюдателя, а афганский президент ездил на саммит в качестве почетного гостя. На данном саммите наиболее активно обсуждались угрозы безопасности, исходящие с территории Афганистана в результате не очень удачных военных операций США и НАТО в этой стране, а также проблема распространения наркотиков, которую поднял на саммите сам Карзай.

В последнее время в Афганистане правительство начало проводить какое-то подобие «политики национального примирения», что сразу же вызывает в памяти ассоциации с аналогичными процессами, происходившими в стране в 1986–1992 годах в период пребывания у власти правительства НДПА–ПО, хотя официально об этом, разумеется, в Кабуле не говорят.

Тема боев между силами НАТО и отрядами талибов (и других формирований) – одна из наиболее острых. В освещении конфронтации между силами НАТО, афганским правительством и «условными талибами» явно делается перекос в сторону военных операций и мало освещается сложный и противоречивый переговорный процесс, который пытаются вести как представители НАТО, так и представители правительства. Так, в середине апреля 2007 года бывший посол правительства талибов в Пакистане мулла Абдул Салам Заиф подтвердил факт переговоров ряда талибских руководителей с Хамидом Карзаем. По его словам, речь шла о возможности «присоединения талибов к мирной жизни».

Командование НАТО тоже имело контакты с талибами, в том числе с крупными командирами, например с ныне покойным муллой Дадуллой. В конце апреля 2007 года Дадулла был окружен в провинции Урузган и захвачен в плен, но на следующий же день дал интервью журналистам телеканала «Аль-Джазира», в котором назвал Усаму бен Ладена организатором взрыва в Баграме в феврале 2007 года (во

время пребывания там вице-президента США Дика Чейни). Вскоре афганские сенаторы открыто обвинили НАТО в сговоре с талибами и в переговорах с ними за спинами афганцев. Руководство НАТО помогло Дадулле выйти из окружения, о чем заявил на пленарном заседании парламента сенатор Мохаммад Ханиф Ханифи.

Переговоры с талибами, как представляется, не достигают успеха из-за отсутствия четкой стратегии как у афганского правительства, так и у командования НАТО, а также из-за рассогласованности их действий (как показывает опыт конца 1980-х – начала 1990-х годов, очень трудно одновременно и воевать, и вести переговоры с теми, с кем воюешь, особенно если этим заняты разные люди).

Переговорный процесс с талибскими руководителями до сих пор официально как бы считается не вполне легитимным. Впрочем, при выборах в нижнюю палату парламента прошло несколько десятков представителей талибов, то есть де-факто их участие в легитимной политике было признано.

Поражение талибов в 2001 году внесло раскол в их ряды, и есть серьезная вероятность того, что часть талибов разойдется со своими более радикальными соратниками и в том или ином виде легализуется.

О том, насколько это сложный процесс, свидетельствуют результаты проходившей в Кабуле с 9 по 12 августа 2007 года «афгано-пакистанской» Джирги, на которую в афганской столице возлагали большие надежды. На нее съехались около 700 вождей и старейшин пуштунских племен, проживающих по обе стороны линии Дюранда. Основное внимание на ней было посвящено поискам путей примирения и стабилизации обстановки.

Принципиальное решение о ее проведении принималось на совместном совещании Джорджа Буша, Хамида Карзая и Первеза Мушаррафа еще в 2006 году, но реализация его откладывалась из-за неспокойной обстановки в регионе.

Пакистанская сторона вообще изначально без большого энтузиазма относилась к этой идее, более того, Исламабад намеревался ограничиться направлением в Кабул только губернатора Северо-Западной пограничной провинции. Однако впоследствии уровень представительства был повышен. В Кабул прилетел премьер-министр Шаукат Азиз, а в последний день перед собравшимися выступил президент Пакистана Первез Мушарраф.

По сути, единственным более или менее внятным ее результатом стало признание Мушаррафа в том, что «афганским боевикам оказывается поддержка с территории Пакистана». До сих пор Исламабад это категорически отвергал. Пакистанский лидер высказался за общие усилия народов и правительств двух стран в борьбе с экстремизмом в регионе. «В этом нет сомнений, что афганским боевикам оказывается поддержка с территории Пакистана и мы (Пакистан) должны пресечь деятельность этих элементов на своей территории», – сказал Мушарраф. Одновременно он назвал талибов «частью афганского народа», призвал Кабул «вернуть их к мирной жизни» и бороться не с талибами, а с «талибанизацией общества». «Талибы – это люди, а

талибанизация – это идеология, с которой нужно бороться», – сказал Мушарраф. По его мнению, для этого необходимо решить прежде всего социально-экономические проблемы.

По сообщению телеканала «Ариана-ТВ», в заключительной резолюции делегаты Джирги призвали правительства обеих стран принять жесткие меры в борьбе с терроризмом, уничтожить убежища экстремистов и ужесточить борьбу с наркопроизводством, доходы от которого, по мнению делегатов, подпитывают боевиков.

И хотя все политические силы Афганистана выразили уверенность в успехе мероприятия (а Джордж Буш Хамида Карзая даже поздравил), реальные ее результаты вызывают скептицизм.

Изначально приглашения прибыть на Джиргу проигнорировали в Северном и Южном Вазиристане. Старейшины и вожди вазиров отказались приехать в Кабул в знак протеста против военных действий на их территории пакистанской армии, 90-тысячный контингент которой дислоцирован в «зоне племен».

Свой протест выразили также представители так называемого «Исламского Эмирата Афганистан», то есть собственно талибы. Именно в Северном и Южном Вазиристане расположены основные базы вооруженных групп талибов, совершающих вылазки на территорию Афганистана. Как предполагается, они имеют опору в лице пакистанских исламистов, имеющих своих людей в высших эшелонах власти Пакистана.

Талибы объявили, что созыв Джирги инспирирован Джорджем Бушем и принесет выгоду только США, и потребовали безусловного вывода из Афганистана войск США и НАТО.

С одной стороны, такая позиция, конечно, является демонстрацией неуважения к многовековому и традиционно уважаемому в Афганистане институту, но с другой – это никого ни к чему и не обязывает.

Таким образом, одни из главных «виновников» дестабилизации обстановки в мероприятии не участвовали. Из этого следует, что по крайней мере наиболее экстремистские элементы в рядах талибов на данный момент не готовы (или и вовсе не собираются) участвовать в каком бы то ни было мирном процессе.

Между тем, на Джирге неоднократно высказывалась мысль о том, что если будет принято решение о начале переговоров с талибами, если делегаты предложат такой путь выхода из кризиса, афганское правительство пойдет на этот шаг и переговоры Кабул начнет официально. Вопрос о переговорах затрагивал в своей вступительной речи и премьер-министр Пакистана Шаукат Азиз.

Еще одной целью Джирги стал мониторинг настроений в пуштунском поясе, призванный выявить отношение вождей и старейшин к талибам вообще. Мониторинг показал, что далеко не все разделяют их цели и задачи. Более того, многие делегаты выражали готовность рассмотреть «конструктивные предложения Запада», если таковые последуют.

Предложения последовали. В середине ноября 2007 года Вашингтон объявил о готовности оказать военную и финансовую помощь

племенам из «зоны племен», которые начнут борьбу с талибами. США предполагают отправить в регион американских военных инструкторов, которые займутся обучением вооруженных формирований пуштунских племен, оказать этим племенам прямую (то есть, минуя официальный Исламабад) финансовую помощь. И наконец, из обученных американскими инструкторами бойцов планируется сформировать специальный Пограничный корпус, вооруженный американским оружием. Предполагается, что численность Пограничного пуштунского корпуса, размещенного в FATA (Federally Administered Tribal Area) вдоль линии Дюранда, составит 85 тысяч человек, на которых американское военное командование намеревается потратить около 350 млн долларов.

Мнения экспертов по поводу перспектив очередного пуштунского проекта США разошлись. Как можно предположить, на «пограничников» будут возложены две основные задачи.

Во-первых, осложнить положение талибов в тылу или вообще лишить их тыла, в первую очередь вазиристанского плацдарма. На ближайшую перспективу – сорвать их весенне-летнюю военную кампанию в 2008 году. Срыв наступления талибов в 2008 году напрямую зависит от действий пакистанской армии в Вазиристане и американского переговорного проекта с лидерами относительно нейтральных пуштунских племен, в основе которого лежит масштабный финансовый подкуп. То есть им будут платить не столько за то, что они воюют против талибов, а за то, что они не воюют на стороне талибов. Впрочем, уже сейчас далеко не все племена FATA, а тем более СЗПП (Северо-Западная пограничная провинция) изъявляют желание не только участвовать в войне в Афганистане в том или ином виде, но даже поддержать вазиров, чтобы самим не попасть «под раздачу» пакистанской армии.

Во-вторых, вазиристанский плацдарм опасен не только для США в Афганистане, но и для самого Пакистана. Как следует из размещенных в Интернете многочисленных пропагандистских роликов «вазиристанских талибов», их действия направлены не столько против США в Афганистане, сколько против самого Пакистана, армии и власти вообще. Их идеология представляет собой сложную смесь религиозного экстремизма с сепаратизмом, который, впрочем, можно считать нормальным для Вазиристана. Достаточно вспомнить историю этого района Пуштунистана с момента раздела в 1898 году и по настоящий момент. Англичане вели в Вазиристане постоянные войны, а потом, покидая в 1947 году регион, вообще передали эту проблему пакистанским властям. Таким образом, «пограничный корпус» должен будет ликвидировать этот очаг религиозного экстремизма и сепаратизма в FATA. И таким образом, хотя бы частично, помочь Исламабаду решить проблему «талибанизации Пакистана».

Существуют мнения, что очередной «пуштунский проект» США имеет и более отдаленные перспективы – вплоть до стабилизации линии Дюранда и создания собственно Пуштунистана. На наш взгляд, об этом говорить бессмысленно.

Кроме того, сами талибы тоже были в свое время «пуштунским проектом» Соединенных Штатов и Пакистана с далеко идущими стратегическими целями и задачами. «Проект» провалился с треском.

Еще одним шагом в сторону «национального примирения» является и новый закон об амнистии, хотя он и вызвал бурную дискуссию как внутри Афганистана, так и за его пределами.

Речь идет о законе об общей амнистии для лиц, совершивших военные преступления за последние четверть века афганских войн.

При его принятии проявились, пожалуй, все особенности нынешней афганской политики: президент Карзай оказался между молотом требований международного сообщества, ждущего какого-то демократического прорыва, и наковальней местных условий, диктуемых полевыми командирами, в амнистии заинтересованными больше всего. Более половины депутатов парламента являются бывшими командирами отрядов «моджахедов», многих из них в случае отсутствия такого законопроекта могло бы ждать судебное преследование за военные преступления. Кроме того, подобного рода персонажи находятся и в непосредственном окружении Карзая. Ранее ряд международных и местных правозащитников неоднократно высказывались за судебное преследование участников военных действий последних 30 лет. Примечательно, что призывы правозащитников находят понимание и в афганском обществе.

В феврале 2006 года президент уже проявил твердость: наложил вето на утвержденный двумя палатами парламента закон, дарующий амнистию всем совершившим военные преступления за последние 30 лет. Тогда президента поддержало международное сообщество и небольшие группы местных правозащитников, посчитавших, что решение об амнистии узаконит безнаказанность для – и без того – почти всесильных полевых командиров.

Последняя точка зрения действительно выглядит убедительной по нескольким причинам. Например, очевидно, что амнистия способна помочь национальному примирению, когда победители остаются на высоте, даруя милость побежденным. Но в современном Афганистане это невозможно – война не закончена, нет сильного, имеющего монополию на насилие государства, которое может прощать, а большинство самых отъявленных преступников былых и нынешней войн все равно и так не преследуют.

Следующая трудность, стоящая на пути афганской амнистии – отношение к талибам. В ходе дискуссии, предшествовавшей первоначальному утверждению законопроекта, выяснилось, что некоторые из них также смогут рассчитывать на прощение по новому закону. Вообще до сих пор не ясно, как появился этот проект: злые языки поговаривали, что родился он в кругах, близких к президенту, который якобы рассчитывал тем самым задобрить набравших силу в последнее время талибов. Однако версия эта оказалась опровергнута действиями Карзая, вернувшего документ на доработку. Другие наблюдатели говорят о том, что законопроект был разработан в рамках стратегии Вашингтона. Известно, что в течение последних пяти лет

американцы не брезгуют сотрудничать в Афганистане с кем угодно, лишь бы добиться хотя бы некоторой стабилизации обстановки.

Впрочем, о причинах сложившейся ситуации можно рассуждать долго, факт заключается в том, что законопроект, сокращенный примерно наполовину, повторно был утвержден нижней палатой парламента и был передан на рассмотрение верхней. Специалисты замечают, что внесенные поправки выхолащивают документ: вроде и амнистия полагается, и шанс добиться справедливости у жертв преступлений тоже есть.

Не все так просто и в отношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти и по другим вопросам. Отношения между парламентариями и правительством во всем, что не касается американской политики или действий сил НАТО, далеко не безоблачны и нередко переходят в конфронтацию.

Депутаты стараются создать политическую коалицию, которая могла бы стать реальной оппозицией правительству и проводить в жизнь собственные политические решения.

В середине марта 2007 года было объявлено о создании Национального фронта – политического альянса, куда вошли экс-президент Афганистана Бурхануддин Раббани, экс-министр обороны Мухаммад Касим Фахим, бывшие видные деятели НДПА Саид Мухаммад Гулябзой и Нур уль-Хак Улюми, спикер парламента Юнус Кануни и другие политики. В коалицию вошел также внук экс-короля Афганистана Захир Шаха Мустафа Захир. Руководство фронта почти целиком состоит из депутатов парламента[32].

Члены альянса высказывались за перестройку афганской политической системы. Предлагалось, в частности, ввести пост премьер-министра и передать ему часть полномочий президента, а также усилить роль парламента и проводить выборы губернаторов провинций.

Правда, другие депутаты невысоко оценили потенциал этой коалиции. «Как только они получат власть, то разойдутся, как это уже было в прошлом», – заявил политолог, депутат афганского парламента Абдул Кабир Ранджбар. В некотором смысле этот прогноз небезоснователен, принимая во внимание состав альянса. Президент Афганистана на своей пресс-конференции прозрачно намекнул, что за Национальным фронтом стоят интересы иностранных государств.

Тем не менее, политический курс альянса был заявлен, и сейчас, насколько можно судить, предпринимаются первые попытки повернуть ситуацию в его пользу.

Делать какие-либо долгосрочные прогнозы развития ситуации в Афганистане представляется неблагодарным делом. У западных стран остаются военная сила, базы, контроль над афганской армией, рычаги давления по линии международной помощи и прочее. Вероятно, в обозримом будущем произойдет раскол талибов на «радикальных» и «легальных». Последние будут интегрированы в политическую

[32] Подробнее о программе Национального фронта см. интервью с секретарем НФ, главой парламентского экономического комитета Саидом Мустафой Казими – http://www.rian.ru/world/conflict/20070613/67116820.html

систему Афганистана. О судьбе радикальной части талибов сказать намного труднее.

По большому счету, внутриполитическая ситуация в стране сейчас находится в подвешенном состоянии. Кабул усиленно демонстрирует миру всевозможные успехи (не в последнюю очередь с подачи западных союзников, которым тоже надо предъявить хоть какие-то результаты своей деятельности по «демократизации» общества и «стабилизации» обстановки). Они, конечно, есть.

Однако целый ряд проблем, в том числе застарелых, вытекающих одна из другой, представляют собой серьезную угрозу правительству в Кабуле.

В первую очередь – это отсутствие реального улучшения жизни людей. Кушать хочется при любой власти. Средств международной помощи явно недостаточно для ликвидации разрухи. Во-вторых, это проблема безопасности. Уже очевидно, что война пошла на следующий круг. При этом она в значительной степени подпитывается наркотическими деньгами. Много и других проблем.

В 2001 году временное правительство Хамида Карзая имело весьма солидный «кредит доверия» в разоренной стране, смертельно уставшей от войны. В настоящее время этот кредит исчерпывается, свидетельством чему является, в частности, активный процесс реэмиграции.

При неблагоприятном сценарии развития событий все это может свести на нет все усилия по созданию сколько-нибудь внятной системы общенациональной государственной власти, политической системы, демократических институтов, государственных силовых структур, по возрождению национальной экономики и реконструкции разрушенных почти 30-летней войной промышленных, сельскохозяйственных и инфраструктурных объектов.

3. Россия и Афганистан: между желаемым и возможным

Что в этой связи представляется необходимым делать России и какой должна быть ее афганская политика на ближайшую перспективу?

Во-первых, нужно четко понимать, что стратегическим интересам Москвы в регионе Среднего Востока полностью соответствует установление в Афганистане мира, стабильности и демократии при сохранении территориальной целостности страны.

Во-вторых, необходимо отдавать себе отчет в том, что коалиция НАТО во главе с США не будет вечно держать войска в Афганистане. Рано или поздно они уйдут оттуда (хотя сейчас Североатлантический альянс не готов к таким кардинальным решениям, несмотря на явно неоднозначное отношение стран НАТО к афганским делам).

В-третьих, нужно ясно осознавать, что любой альтернативой демократии – какой бы недостаточной, непрочной, поверхностной

и «плохой» она ни была или не могла показаться – может быть в настоящее время только религиозный экстремизм, тесно связанный с международным терроризмом, который представляет собой угрозу для всего региона, для России и стран СНГ, в первую очередь для центральноазиатских государств. На всякое «плохо» всегда есть «куда хуже», а на всякое «хуже» всегда есть «совсем беда».

Таким образом, встает вопрос – что дальше?

Уже сейчас, в связи с заметной активизацией в последние годы талибов, казалось бы, разгромленных еще в 2001 году, может показаться, что окончательно разобраться и с талибами, и с их союзниками, которых считают «международными террористами», может помочь реставрация ситуации противостояния между «северянами» и талибами в новых условиях и с новыми возможностями. Однако такое впечатление не просто обманчиво, но в корне неверно.

«Северный альянс», опиравшийся в основном на национальные меньшинства, смог в конце концов удержать под своим контролем лишь около десяти процентов территории страны (в конце 1990-х годов). И если бы не помощь России, Ирана и центральноазиатских государств (Таджикистана и Узбекистана), а также прямое вмешательство США и их союзников в 2001 году, «Северный альянс» не только не смог бы предъявлять претензии на власть в общенациональном масштабе (хотя они и так на нее не слишком претендовали, а львиную долю своей энергии тратили на разборки между собой), но и просто, скорее всего, не выстоял бы. Можно предположить, что с прямой военной помощью США и стран НАТО и при возможном содействии Пакистана (чья позиция в афганском вопросе сейчас гораздо сложнее и неоднозначнее, чем его безоговорочная поддержка талибов в конце 1990-х годов) «северяне» смогли бы контролировать гораздо большую территорию, а, возможно, и нанести еще одно военное поражение талибам. Но подобное развитие событий маловероятно. Ставка только на национальные меньшинства, которые ни порознь, ни вместе никогда не могли объединить Афганистан, не принесет иных результатов и в дальнейшем.

Что же касается талибов, то нельзя не учитывать, что это тоже не единое, а очень сложное и разношерстное образование, в котором совершенно очевидно есть как умеренные, так и экстремистские силы, как афганцы, так и заезжие «гастролеры» неафганского происхождения. Разобраться: кто есть кто, как сюда попал и что здесь делает, отсечь одних от других, использовать их внутренние противоречия, задействовать умеренных талибов в легальных политических процессах – все это имеет едва ли не большее значение, чем чисто военные успехи. Этим, разумеется, должны заниматься в первую очередь сами афганцы, что они сейчас и пытаются делать, а во-вторых –коалиция НАТО. России же, со своей стороны, следует всемерно поддерживать эти шаги, а также следить за тем, чтобы в числе «заезжих гастролеров» в Афганистане не оказывалось представителей группировок, признанных в России террористическими и запрещенных. В случае обнаружения таковых с ними, разумеется, следует разбираться во взаимодействии с афганскими властями.

В свете всего вышесказанного нужно признать порочной существовавшую в 1990-е годы практику поддержки всеми странами-соседями Афганистана, а также Россией «своих людей» из числа представителей национальных меньшинств. Ставка на них может дать лишь краткосрочный эффект паллиатива. Создание своего рода «буферных зон» на севере Афганистана (на южных границах СНГ) напрямую ведет к дезинтеграции самого Афганистана, что создает реальную угрозу территориальной целостности страны и ее развала по национальному признаку. В этом случае, как со всей очевидностью показали события 1992–2001-х годов, мира и стабильности ждать не приходится. Более того, в этом случае гарантировано экстренное вмешательство Пакистана, поскольку такая ситуация, хотя и будет устраивать Душанбе и Ташкент (и они могут начать подталкивать к этому и Россию), но ни в коем случае не будет устраивать Исламабад, и он будет принимать контрмеры. Ему «буферный Пуштунистан» не нужен совершенно, поскольку это может привести (и на это уже обращали внимание высокопоставленные пакистанские чиновники) к возрождению давней и очень болезненной для Исламабада «проблемы Пуштунистана»[33].

Причем если в 1990-е годы ставка России на национальные меньшинства была в известной степени добровольно-вынужденной, то в настоящее время такой необходимости нет. После событий 2001 года структура Северного альянса в значительной степени распалась или подверглась трансформации, он потерял роль доминирующей силы во власти. Более того, в последнее время в центральных властных структурах Афганистана идет неуклонный процесс «пуштунизации» и вытеснения так называемой «панджшерской элиты». И наконец, афганское правительство предприняло целый ряд мер, направленных на разоружение «частных армий» и ограничение реальной власти на местах прежде всесильных северных полевых командиров, в первую очередь Исмаил-хана, Абдуррашида Дустума и Мухаммада Фахима, хотя, разумеется, о полной ликвидации власти «вождей джихада» на местах говорить нельзя.

Кроме того, нужно исходить из того простого факта, что по крайней мере половина населения страны никакого отношения к «Северному альянсу» не имеет, а национальные меньшинства никогда не будут иметь никакого влияния в Афганистане. Полстраны игнорировать нельзя.

Таким образом, Россия должна поддерживать сбалансированные контакты с представителями всех национальных групп Афганистана (в связи с чем необходимо налаживать более тесные контакты с Пакистаном), отдавая себе, однако, отчет в том, что наведение порядка во всем Афганистане представителями национальных меньшинств невозможно по определению, поскольку это не соответствует ни историческим и политическим традициям этой страны (пуштуны управляли Афганистаном с 1747 года практически непрерывно), ни их реальному представительству среди населения, в том числе территориальному.

[33] http://www.dawn.com/2003/08/02/nat18.htm

Россия может и должна поддерживать контакты со всеми существующими легальными политическими структурами.

Кроме того, Россия может и должна принимать участие в программах экономической реконструкции, развивать сотрудничество в сфере экономики, в том числе и на региональном уровне, тем более что сами афганцы проявляют к этому живейший интерес.

Об этом говорил, в частности, посетивший Москву в конце мая 2007 года председатель Вулуси Джирги – нижней палаты парламента – Юнус Кануни. По его словам, Кабул придает большое значение экономическому и торговому сотрудничеству с Москвой. «Россия имеет гораздо большие возможности в восстановлении и развитии экономики Афганистана, чем другие страны. Кроме того, в Афганистане хорошие условия для инвестиций и экономической деятельности», – приводит слова Кануни пресс-служба Госдумы РФ. Он отметил, что афганская сторона считает «развитие экономических и торговых отношений с Россией ключевым моментом». Объем товарооборота между Россией и Афганистаном, сказал он, составляет около 100 млн долларов США в год – в основном это экспорт из России. Также, по его словам, есть перспективы взаимодействия в торгово-экономической сфере. «Российский бизнес примет участие в разработке нефтегазовых промыслов, реконструкции тоннеля Саланг, развивается сотрудничество в строительстве ТЭЦ на мелких реках Афганистана, прорабатывается проект строительства ЛЭП Таджикистан – Афганистан – Пакистан», – сказал спикер Госдумы Борис Грызлов. Он выразил надежду, что в скором времени будет подготовлено межправительственное соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве и соглашение о сотрудничестве между ТПП России и Международной ТПП Афганистана[34, 35].

России следует воспользоваться возможностями, которые могут появиться после списания старого долга Афганистана перед бывшим СССР.

Напомним, что 6 августа 2007 года Россия списала Афганистану 90 % его долга по кредитам, выданным этой стране СССР, и согласилась на реструктуризацию оставшихся 10 % на 23 года. В Минфине РФ полагают, что основным итогом стало признание Афганистаном 11,3 млрд долларов безнадежных долгов. Соглашение подписано в рамках процедур Парижского клуба кредиторов. За Россию подпись поставил министр финансов Алексей Кудрин, за Афганистан – глава Минфина страны Анвар уль-Хак Ахади. Большая часть долга образовалась в результате поставок советских вооружений и боеприпасов афганскому правительству в 1980-е годы. Кредитный период заканчивается последним советским кредитом, выданным в мае 1991 года. Ранее замминистра финансов Сергей Сторчак пояснял, что долго Афганистана условен, поскольку исчислен был в старых советских рублях, официальный курс которых к доллару США составлял 67 копеек за один доллар.

[34] http://afghanistan.ru/doc/9135.html

[35] Подробнее о состоянии экономики Афганистана см.: http://afghanistan.ru/doc/8493.html

Оставшаяся часть долга будет полностью списана в рамках программы МВФ и Всемирного банка по облегчению долгового бремени беднейшим странам (HIPC). Эта программа, которую иногда называют «долг в обмен на помощь», предусматривает направление средств задолженности на развитие страны, которой она (задолженность) списывается. Те 730 млн. долларов, которые Афганистан остался должен, афганские власти должны использовать внутри страны. При этом страна-кредитор, то есть в данном случае Россия, участвует в согласовании «расходных статей».

В ответ на обещания списать 100 % долга Анвар уль-Хак Ахади объявил о намерении открыть доступ для новых российских инвестиций в Афганистан. Первой окажется компания «Технопромэкспорт», выигравшая тендер стоимостью 30 млн долларов на восстановление одной из афганских ГЭС[36].

«Мы подвели черту под многолетними переговорами об урегулировании долга между нашими двумя странами», – отметил глава Минфина России. По словам А. Кудрина, российские компании будут активно участвовать в международных тендерах на строительство объектов экономики Афганистана, в том числе сооружение объектов инфраструктуры, восстановление промышленности, поставки техники, дорожном строительстве, а также в энергетических проектах на рыночных условиях .

Договоренность о списании долгов была достигнута в рамках Парижского клуба еще на конференции в Лондоне в январе 2006 года. Тогда Германия, США и Россия обязались аннулировать всю задолженность этой страны. В июле того же года страны-кредиторы списали 1,6 млрд долларов долга и реструктурировали выплату еще 0,8 млрд долларов. Однако с долгом России так быстро разобраться не удалось. Задолженность, которую Афганистан долго не признавал и не обслуживал, требовала выверки. Кроме того, Кабул пытался добиться репараций за войну с участием советских войск в 1980-е годы. Ранее в Минфине РФ отмечали, что Россия «исходит из того, что при подписании договоренностей об аннулировании долга будут отсутствовать претензии со стороны Афганистана по репарациям и компенсациям за пребывание советских войск на территории этой страны»[37].

Все это предоставляет России реальный шанс начать «возвращаться в Афганистан». При этом, правда, следует иметь в виду, что в данный момент основными и очень сильными конкурентами России являются США и ряд стран НАТО. Представители Соединенных Штатов и некоторых государств альянса, входящих в коалиционные силы, проявят, конечно, настороженность при появлении российских компаний, которые, к тому же, могут оказаться и довольно сильными конкурентами на афганском рынке. Однако нам необходимо делать заделы на будущее.

По всей вероятности, основное экономическое сотрудничество станет развиваться на севере, где, во-первых, более спокойная обста-

[36] http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=793407

[37] http://www.point.ru/daily/2007/08/07/9700

новка, во-вторых, сконцентрировано большее количество объектов, когда-то возведенных с помощью СССР. Кроме того, более весомая отдача может получиться, если российско-афганское сотрудничество будет осуществляться с привлечением других стран-членов СНГ.

Разумеется, следует всеми возможными средствами взаимодействовать с властями и силовыми структурами Афганистана (а также центральноазиатских государств) в области борьбы с наркотрафиком. Афганистан – мировой лидер по производству опиатов, и львиная их доля идет через территорию России. По некоторым данным, в период пребывания у власти талибов объем площадей, засеянных под наркосодержащие культуры, составлял 8 тыс. га, сейчас посевные площади выросли до 165 тыс. Только в 2006 году они увеличились почти наполовину. Афганистан сегодня поставляет на внешние рынки 92 % мирового экспорта героина и опийного мака. Доходы от наркоторговли превышают 3 млрд долларов[38, 39].

Кроме того, России следует пристально отслеживать политическую обстановку в Афганистане, имея в виду, что на данном этапе возможностей реально влиять на нее в ту или иную сторону у нее пока нет. Это отнюдь не означает, что в будущем у нее не появится рычагов влияния, тем более, что некоторые нынешние афганские политики уже обозначили свою «пророссийскую ориентацию» (в значительной степени вынужденную). Очевидно, что в ближайшее время мы станем свидетелями обострения политической борьбы между различными группировками, партиями и отдельными «сильными личностями» в правительстве. России следует действовать предельно осторожно, руководствуясь принципом «Не навреди». В 2009 году в Афганистане предстоят президентские выборы, и их итог пока предсказать достаточно трудно[40].

Наши страны при любом политическом раскладе как в Афганистане, так и в России друг от друга все равно никуда не денутся. Россия явочным порядком участвует в афганских делах, начиная с, как минимум, 1830-х годов (при любых правительствах – как в Афганистане, так и в России), даже если это участие временами выражалось просто в виде «фактора». Афганистан для России – не «банановая республика» и никогда таковой не являлся, а геополитические реалии 21 века делают игнорирование Россией и Афганистаном друг друга просто невозможным.

[38] http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=103704

[39] Подробнее см.: http://www.nationalsecurity.ru/library/00021/

[40] http://afghanistan.ru/doc/9113.html

Шило Наталья Игоревна – научный сотрудник Центра партнерства цивилизаций НКСМИ.

Сфера научных интересов – современные Афганистан, Иран и Пакистан. Проблемы международной и региональной безопасности. С 1998 по 2007 гг. корреспондент информационных агентств ИТАР–ТАСС и РИА «Новости» в Марокко, Египте, Индии, Иране, Афганистане и Пакистане. Автор многочисленных публикаций в российских и зарубежных СМИ.

Центр партнерства цивилизаций в составе Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) создан в мае 2007 года.

Основные направления работы Центра

1. Научная деятельность:

Подготовка аналитических материалов, ситуационных анализов и монографических исследований по проблемам партнерства цивилизаций; создание электронных баз данных по этой тематике.

2. Развитие международного сотрудничества:

Установление и развитие контактов с зарубежными научными и учебными центрами, общественными организациями; составление и поддержание базы данных о российских и иностранных организациях, занимающихся проблемами партнерства цивилизаций.

Формы работы

1. Написание аналитических записок, подготовка монографий и учебников.

2. Проведение научных конференций и круглых столов с участием представителей четырех основных российских конфессий, парламентских и государственных структур, МИД России, членов российского и зарубежного экспертного сообщества, осуществление контактов с другими научными центрами, государственными и общественными организациями.

Научные интересы сотрудников Центра

1. Запад и Ислам: отношения между христианством и Исламом, проблемы терроризма и экстремизма.

2. Ситуация на Ближнем Востоке: палестинская проблема, значение ближневосточной нефти.

3. Исламские горячие точки: Афганистан, Ирак, Пакистан, Сомали.

4. Роль Турции и проблема ее вхождения в ЕС.

5. Ислам в Европе.

6. Иранский фактор.

7. Россия как мост между цивилизациями

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976–1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990–2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входят десять научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр евро-атлантической безопасности,
- Центр Кавказских исследований,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр исследований проблем войны и мира,
- Центр североевропейских и балтийских исследований.

Председатель НКСМИ – А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ – А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/nksmi

«Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России» издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 500 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав НКСМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Сайт «Аналитических записок» в интернете: www.mgimo.ru/az

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru